

0773

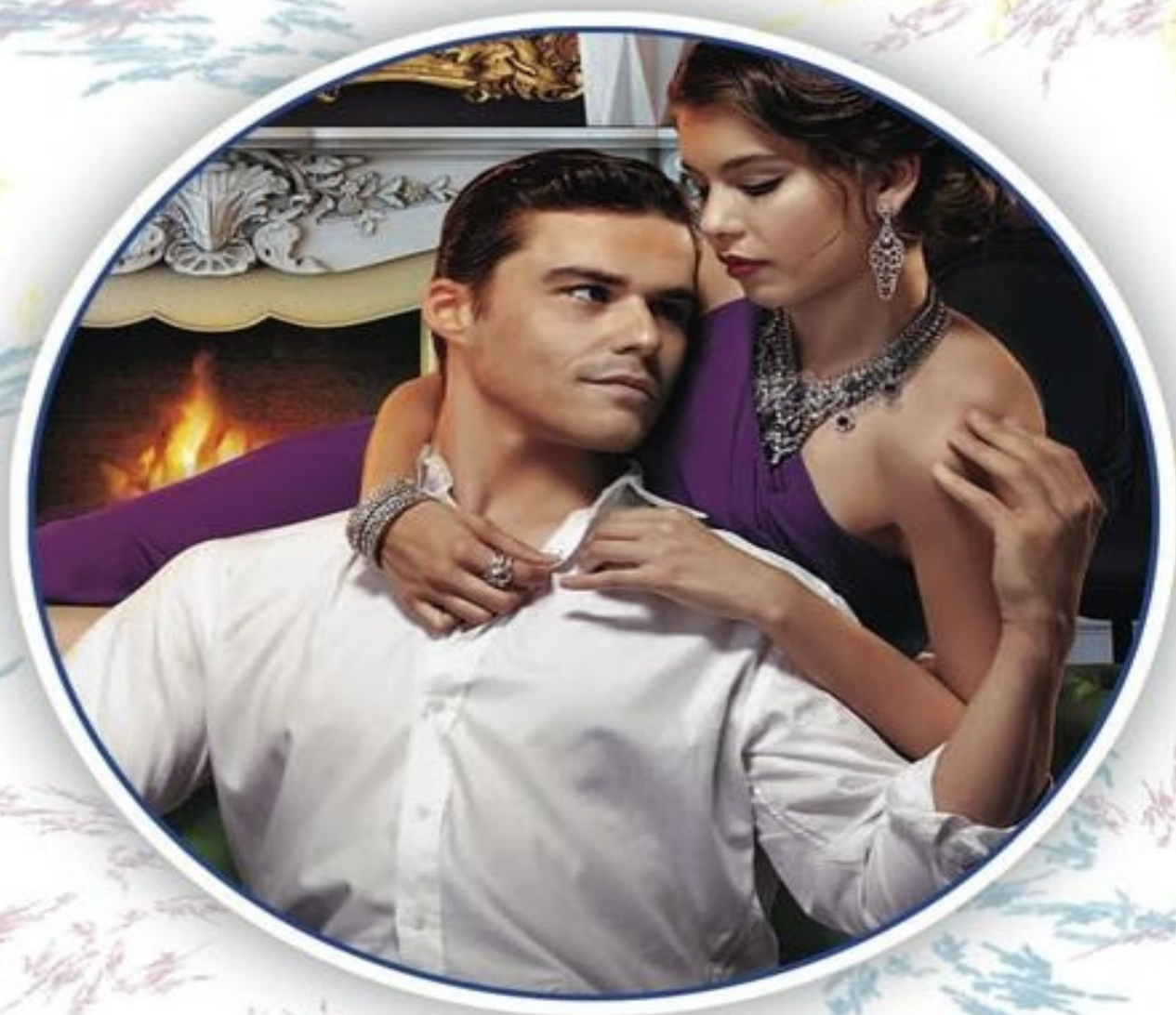

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Мейси Джэкс

ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ НАКАЛ СТРАСТИ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Миллионер Алессандро ди Сионе собирается исполнить последнюю волю деда Джованни, который просит внука найти одно из восьми сокровищ, когда-то принадлежавших ему, — картину «Потерянная любовь». Алекс — взрослый, уверенный в себе, циничный человек, и он не привык ни под кого подстраиваться. Но желание деда, заменившего ему отца, для него закон. Поэтому Алекс отправляется к опальной королеве Исоло Д'Оро: Джованни уверен, что именно она знает, где искать картину. Королева соглашается помочь Алексу в поисках и даже сообщает, что картина находится в маленькой стране, которой она когда-то правила. Разозленный Алекс требует подробностей, но королева выдвигает свои условия: на поиски ценного артефакта Алекс должен взять с собой ее внучку, Габриэллу. Сможет ли властный и непримиримый делец поладить с юной и мечтательной принцессой? Ведь только она сможет открыть ту дверь, за которой скрывается картина...

- [Мейси Эйтс](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Эпилог](#)
-

Глава 1

Поговаривали, что Алессандро Ди Сионе однажды уволил работника за то, что он принес кофе на две минуты позже и на пять градусов прохладнее, чем было велено.

Также ходили слухи, что он извергал огонь, спал в подzemелье и питался душами проклятых. Поэтому неудивительно, когда его новая временная помощница вошла в комнату, робко семеня по пятнам за его дедом, она выглядела так, как будто направлялась на эшафот.

Постоянная помощница была в декретном отпуске, а временная работала всего пару недель, она ничего этого не знала. Конечно, она боялась, что пропустила нежелательного гостя и будет наказана за нарушение безопасности.

— Мне очень жаль, мистер Ди Сионе. Я могу вернуться к работе, сэр? — спросила она, нервно взглянув в сторону двери.

Он махнул рукой, и она вышла так же робко, как и вошла.

— Я вижу, что вы встали и можете двигаться, — сказал Алекс безо всякой сентиментальности, потому что Джованни не допустил бы подобного к себе отношения. Здоровье Джованни восстанавливалось по крупицам.

— Я закончил лечение и чувствую себя лучше.

— Рад слышать это.

— Ты не слишком-то добр к своей помощнице, — сказал дед, неловко усаживаясь за стол перед Алексом.

— Вы так говорите, как будто я хочу, чтобы меня воспринимали добрым. Мы оба знаем, что это не так.

— Да, но я также знаю, что ты не такой уж монстр, каким хочешь казаться.

Джованни откинулся в кресле, положив руки на колени. Он был уже в годах, и после семнадцати лет ремиссии его лейкемия вернулась. Ему было девяносто восемь, и, вероятно, ему не так уж долго осталось жить на земле вне зависимости от состояния здоровья, но болезнь, безусловно, заставила его в спешке решать важные жизненные задачи.

Главная цель жизни Джованни состояла в том, чтобы восстановить каждое из восьми потерянных сокровищ. Истории об этом были вплетены в сознание Алекса. Его дед рассказывал легенды о них еще со времен, когда Алессандро был ребенком. И теперь он поручил каждому из своих внуков найти одно из тех потерянных сокровищ.

За исключением Алекса.

Но он уже ждал приказаний от деда. Осталось совсем немного времени до того, как он узнает, какую роль предстоит играть ему в этих поисках.

— Может, и не монстр, — сказал Алекс, откинувшись на спинку стула, бессознательно копируя позу своего деда.

— По крайней мере, ты не посмеешь плохо себя вести в моем присутствии.

— Что я могу ответить на это, Нонно? Вы, пожалуй, единственный человек на земле более грозный, чем я.

Джованни махнул рукой, будто не принимая всерьез слова Алекса.

— Лесть со мной не пройдет, Алессандро, и ты хорошо об этом знаешь.

Он знал. Его дед был бизнесменом. Человек, который построил свою жизнь с нуля, прибыв в Америку, человек, который знал толк в коммерции. Он передал эту способность Алексу. Они прекрасно понимали друг друга.

— Не говори мне, что тебе скучно и ты хотел бы получить обратно контроль над

транспортным бизнесом.

— Совсем нет. Но у меня есть для тебя работа.

Алекс кивнул:

— Пришло мое время искать сокровище?

— Я сохранил последнее для тебя, Алессандро. Живопись.

— Живопись? — Алекс поднял пресс-папье со стола и передвинул его, постучав по стеклу указательным пальцем. — Не говорите мне, что вы успешно коллекционировали клоунов или что-то подобное.

Джованни хмыкнул:

— Нет. Ничего подобного. Я ищу «Потерянную любовь».

Алекс нахмурился.

— Мои познания в истории искусства довольно скромны, но название знакомое.

— Так и должно быть. Что ты знаешь об опальной королевской семье Иоло Д'Оро?

— Если бы я знал, что буду сдавать экзамен, я бы подготовился к вашему приезду.

— Тебе дали очень дорогое образование в престижной школе-интернате. Мне не хочется думать, что мои деньги были потрачены впустую.

— В школе живут мальчики-подростки, находящиеся за полмира от своих родителей, зато близко к девочкам-подросткам, чьи родители так же далеко. Что, вы думаете, мы изучали?

— Эта тема будет иметь особое отношение к твоей области исследования. «Потерянная любовь» — скандальная часть королевской истории. Хотя это только слухи. Никто и никогда не видел это произведение.

— Кроме вас, я полагаю.

— Я один из немногих, кто может подтвердить существование полотна.

— Вы полны сюрпризов.

Джованни хмыкнул, склонив голову.

— Ты прав. Это следствие того, что я прожил долгую жизнь. Разве ты не хранишь потайные секреты... например, загадки скандальных картин?

— Да нет... я слишком много времени провожу в офисе.

— Пустая трата молодости. Поэтому сейчас ты будешь слушать меня. Я хочу эту картину.

Это мое последнее сокровище. Моя потерянная любовь.

Алекс посмотрел на старика, по сути заменившего ему отца. Джованни привил Алексу истинное трудолюбие. После смерти родителей старик взял Алекса с братьями и сестрами в свой дом и дал им уверенность в завтрашнем дне.

Его сын был развратным повесой, но Джованни учел свои ошибки при воспитании внуков.

— И вы намерены послать меня на поиски?

— Да. Намерен. Ты тратишь слишком много времени на работу. Подумай об этом как об увлекательном приключении. Поиск потерянного сокровища.

Алекс снова поднял пресс-папье. Он подержал его на весу в дюйме от стола, прежде чем поставил обратно с резким звуком.

— Я думаю, что так и могло бы быть. Бизнес-операция. Вы были очень добры ко мне. Без вашего влияния моя жизнь пошла бы крахом. Или, еще хуже, я был бы вынужден карабкаться по социальной лестнице, попивая шампанское в ночных клубах Саут-Бич.

— Ужасная перспектива.

— Тем более что вам придется потратиться.

— Принято. Мне нужен ты, чтобы нашел картину. Я вряд ли смогу отправиться через Средиземное море на Асеену на ее поиски.

— Асеена? — спросил Алекс, вспоминая то небольшое, что знал об этом небольшом острове.

Тот был знаменит своими белыми песчаными пляжами и ослепительно-ярким морем.

— Да, мальчик. Честно говоря, я хочу вернуть деньги, потраченные на школу-интернат.

— Я в курсе, где находится Асеена, Нонно. Но, насколько я знаю, его главной достопримечательностью является алкогольная продукция, а его основная статья импорта — это студенты университетов на весенних каникулах.

— Да. Побочная сторона отельного бизнеса. Но также это место, где семья Д’Оро жила в изгнании.

— На весенних каникулах?

— В поместье, я же говорю. Хотя, я боюсь, у детей королевы Лючии были вечные каникулы, если судить о той череде скандалов, которая сопровождала их по всей Европе. Королева живет там с внучкой. Говорят, на картине изображена именно она, и... — Джованни сделал паузу. — И она последняя, кто ее видел. Так мне передали.

Алекс был неглуп, поэтому он не думал, что старик играл с ним. Джованни не отправил бы его на остров только из-за каких-то слухов. И он прекрасно знал, где была картина и кто на ней был изображен.

— Вы, кажется, много знаете о королевской семье, — сказал Алекс.

— У меня есть некоторые связи на Исоло Д’Оро. Я... жил там одно время. Это приятные воспоминания, но я унесу сию занимательную историю с собой в могилу.

— Увлекательно.

— Алессандро, ты не должен слишком увлекаться. Дело — прежде всего.

Конечно, если Джованни потребует, Алексу придется подчиниться. Джованни воспитывал Алекса после смерти его родителей. Дал ему работу, привил ему трудолюбие, что сделало его таким успешным. Так что он выполнит любую его просьбу.

Глава 2

— Некий мужчина у дверей хочет видеть королеву Лючию.

Принцесса Габриэлла оторвалась от книги и нахмурилась. Она была в библиотеке и не ожидала, что ее потревожат. Чуть ли не весь домашний персонал знал, что ее нельзя беспокоить, когда она читает.

Сняв очки и потерев глаза, она вытянула вперед ноги; обуви на ней не было, потому что она привыкла перемещаться по залам босиком.

— Я поняла. А почему этот человек думает, что он может явиться без приглашения и получить аудиенцию у королевы?

— Его зовут Алессандро Ди Сионе. Американский бизнесмен. И он говорит, что он здесь, чтобы увидеть... увидеть «Потерянную любовь».

Габриэлла вскочила с мягкого кресла и тут же пошатнулась.

— С вами все в порядке, мэм? — спросил Лани, слуга.

— Все хорошо, — ответила Габриэлла, махнув рукой. — «Потерянная любовь»? Он ищет картину?

— Я ничего не знаю о картине, принцесса.

— Я знаю... Я знаю о ней многое.

Она никогда не расспрашивала бабушку о картине. Пожилая женщина была любящей, но скрытной, и о картине ходило лишь множество слухов.

— Что я должен сделать с нашим гостем, мэм?

— Я поговорю с ним. Нет смысла беспокоить королеву. Она пьет чай в гостиной, и я не хочу ей мешать.

Габриэлла проскользнула мимо слуги, вышла из библиотеки и направилась вниз по роскошному ковровому покрытию зала. Потом она поняла, что собирается предстать перед незнакомцем с босыми ногами, что недопустимо для принцессы. Она неплохо умела играть свою роль на публике. Но когда она была дома, здесь, в прекрасном уединенном поместье на Асеене, то убирала свои великосветские манеры и дизайнерские платья в дальний угол. Затем освобождала волосы, распуская тугий пучок, который делала для публичных мероприятий, и позволяла себе быть обычной девушкой.

Габриэлла сразу заметила незнакомца. Он был... потрясающий. Ей вдруг вспомнился давний поход в музей. Двигаясь от полотна к полотну, она попала в небольшой зал и увидела невероятную картину: будто весь свет сосредоточился в ней. Все, что она видела раньше, меркло в сравнении с этим полотном. Примерно такой же эффект произвел на нее этот мужчина.

Незнакомец был похож на Ван Гога. Острые скулы, угловатый подбородок, обрамленный темной щетиной. Губы были изображены плавной кривой, что свидетельствовало о мастерстве художника. Широкие плечи, мускулистую грудь и тонкую талию подчеркивал хорошо сшитый костюм. Длинные, сильные ноги, обувь ручной работы.

Да, весь он был совершенством.

За исключением рта. На его верхней губе имелся шрам, что выдавало в нем обычного человека.

Габриэлла зажмурилась, покачав головой. Она в очередной раз слишком увлеклась фантазиями.

— Здравствуйте. — Она сделала шаг навстречу. — Могу я вам чем-то помочь?

Его темные глаза сверкнули, выражая полное безразличие.

— Я хочу поговорить с королевой Лючией о картине «Потерянная любовь».

— Да. Мне передали вашу просьбу. Однако боюсь, что королева в данный момент не принимает посетителей.

Габриэлла сопротивлялась желанию поправить очки и вместо этого скрестила руки на груди, стараясь выглядеть важно, хотя на ней и были надеты черные легинсы и большой свитер.

— Так она послала... Кто ты? Подросток, перепутавший торговый центр с дворцом?

Габриэлла фыркнула:

— На самом деле я принцесса Габриэлла Д'Оро. Это мой дом, и я с сожалением сообщаю вам, что вам в нем нет места.

— Странно. Мне показалось, что он довольно просторный.

— Да, все организовано так. Слишком много американских бизнесменов стало появляться у нас с недавнего времени. Придется разместить вас на чердаке, и вы соберете там всю пыль.

— Даже так?

— Я боюсь, вы там совершенно исхудаете.

— Ну, мы не можем этого допустить. Я купил новый костюм, и мне нельзя худеть.

— Тогда, возможно, вы должны обратиться восвояси.

— Я приехал издалека, чтобы поговорить с твоей бабушкой. Это может удивить тебя, но я прибыл на Асеену не для развлечений. Разговор пойдет о живописи.

— Да, вы говорили. Я с сожалением сообщаю вам, что такой картины не существует...

— Мой дед... Он... коллекционер. Я приехал, чтобы поговорить о покупке картины от его имени. Я готов предложить щедрую сумму. Думаю, что положение опальных особ не так уж и выигрышно.

— Мы в порядке, спасибо за заботу. Если хотите сделать пожертвование, чтобы помочь тем, кто нуждается в помощи, я с радостью предоставлю вам такой список.

— Нет, спасибо. Я хочу именно эту картину. Я готов заплатить любую цену.

У Габриэллы пересохло во рту. Ей стало трудно говорить.

— Боюсь вас огорчить. У нас много картин, но именно этой нет. Возможно, ее даже вообще не существует.

— О, я хорошо знаю, что это официальная версия, которую ваша семья предлагает обществу. Однако я думаю, ты знаешь больше, чем говоришь.

— Нет, — сказала Габриэлла и в этот раз все же поправила очки. — Я всего лишь подросток, перепутавший торговый центр с дворцом. Что я могу знать такого, что вы, — она сделала рэперский взмах рукой, — не знаете с высоты своей мудрости?

— Косишь под Джастина Бибера?

— Я не знаю, кто это.

— Странно. Девушки в твоём возрасте любят его.

— В таком случае, может быть, предложить вам героин? Я слышала, мужчины вашего возраста такое любят.

— Я приму героин, если ты проведешь мне экскурсию по дворцу.

— Сожалею, но этого не случится.

Алессандро разочарованно потер рукой подбородок.

— Я не совсем уверен в том, что ты используешь подходящую тактику. Потому что, если ты меня прогонишь, я буду искать обходные пути. Либо обращусь к твоей бабушке напрямую, либо выясню, кто управляет делами королевской семьи.

Алессандро, скорее всего, не ошибался. Если бы ему удалось найти ее родителей и предложить им немного денег... или, на худой конец, незаконные вещества в обмен на

информацию о старой картине, они с радостью помогли бы ему. К счастью, они, вероятно, ничего не знают о ее существовании.

Но родители были бедны и к тому же алчны.

Тем не менее Габриэлла не позволила бы ему беспокоить бабушку. Заманчиво было бы задержать этого выскочку здесь и задать некоторые вопросы. Она изучала историю своей семьи с тех пор, как научилась читать. Слухи об этой картине всегда вызывали у нее неподдельный интерес.

— Хорошо, можете здесь погулять, прежде чем уйдете. Сады очень красивые. Пожалуйста, обратите внимание на топиарии, можете любоваться ими сколько захотите, я разрешаю.

Губы Алессандро изогнулись в улыбке.

— Уверяю, меня не интересуют твои... топиарии.

— Мои топиарии — это все, что вы получите. Хорошего дня, сэр.

— Хорошего дня и тебе, — сказал он, наклонив голову.

Габриэлла вышла из холла без оглядки. Она положила руку на слугу, который покажет гостю, где выход. Либо так, либо она должна будет поселить его на чердаке.

Габриэлла едва сдерживала улыбку, двигаясь по коридору в сторону гостиной, где завтракала ее бабушка.

— Сюда приходил человек, Габриэлла. Кто он?

Королева приветствовала внуку нежным голосом, как только та вошла в богато украшенный зал.

Не было смысла спрашивать, как бабушка узнала о посетителе. Она всегда знала, что происходит в ее доме.

— Бизнесмен из Америки, — сказала Габриэлла, проходя в комнату.

Королева была, как всегда, безупречно одета. Она всегда вела себя одинаково, вне зависимости от обстановки. Кристально-белые волосы она уложила в аккуратный пучок, на лицо нанесла красивый макияж. Лак на ее ногтях совпадал с цветом коралловой кофты, а туфли на низком каблуке были того же кремового оттенка, что и ее блузка.

— Я поняла, — сказала королева, опустив чашку на стол. — И чего он хотел?

— Он расспрашивал о картине «Потерянная любовь».

Королева сидела, положив руки на колени. И лишь едва заметная тень промелькнула на ее лице.

— Но, конечно, — продолжила Габриэлла, — я сказала ему, что существование такой картины не подтверждено. Это не более чем глупые слухи. И я отправила его из дворца. Хотя он, возможно, гуляет по саду.

Бабушка повернула голову к окну, и Габриэлла сделала то же самое. Как раз вовремя: она сразу же заметила мужчину в темном костюме.

— Позови его обратно, — требовательно произнесла Лючия.

— Я не могу. Я просто... я просто выгнала его. Он подумает, что я взбалмошная особа.

— Вы должны позвать его обратно, Габриэлла.

Когда Лючия говорила таким тоном, не было смысла спорить.

— Я ему не доверяю. Я не хочу, чтобы он расстроил тебя.

— Мне нужно знать, кто он. Мне нужно знать, почему он спрашивал о картине. Это важно.

В ее голосе появились стальные нотки.

— Конечно, бабушка. Я схожу за ним.

— Ради бога, девочка, обуйся.

Габриэлла кивнула, повернувшись и выскочив из комнаты, направляясь по коридору в свою спальню. Она нашла пару тканевых туфель, затем подошла к входной двери. Дверь была надежно

закрыта, посетителя нигде не было видно.

Она открыла дверь и направилась вниз по мощеной дорожке одного из садов.

Бабушка велела привести гостя на аудиенцию, и будь она проклята, если разочарует ее.

Королева очень много значила для Габриэллы. Родители предпочли разгульную жизнь воспитанию детей. Ее братья были намного старше ее, так что она едва могла вспомнить то время, когда они жили вместе в одном доме. Как только Габриэлла стала достаточно взрослой, чтобы иметь право голоса, она попросилась уехать на Асеену, чтобы жить вместе с королевой Люцией.

Пожилая женщина значила для нее больше матери.

Она осмотрелась, но гостя нигде не было. Конечно, он ушел.

Габриэлла пошла дальше, вниз по ухоженной аллее, повернула налево после первой изгороди и влетела прямо в широкую спину недавнего знакомого.

Она отпрыгнула назад, как только он повернулся к ней лицом. Он показался ей еще более привлекательным, еще более притягательным.

— Ну, я вижу, вы воспользовались моим предложением осмотреть сад.

Мужчина поправил галстук, и это действие приковало внимание Габриэллы к его рукам. Они были очень большие... мужественные.

— Нет. Я прятался. Я думал, что останусь тут и буду добиваться аудиенции у твоей бабушки позже.

— Это довольно подло.

— Подлость — не то качество, с которым я себя ассоциирую. Настойчивость, я бы так его назвал.

— Так получилось, что моя бабушка хочет с вами поговорить.

— О, — сказал мужчина, медленно растягивая губы в улыбке. — Значит, ваша власть не распространяется на желания бабушки, не так ли?

— Я пыталась защитить ее. Само собой, вы не можете винить меня за это.

— Уверен, что могу. Я могу винить вас за все, за что захочу.

Габриэлла посмотрела на мужчину с подозрением. Нельзя было точно сказать, дразнил ли он ее.

— Вам следовало бы быть более тактичным.

— Хорошо, я постараюсь поработать над своим поведением.

— Будьте так любезны, сделайте это, я буду вам очень благодарна.

— Рад услужить.

Они пошли сквозь дворцовые сады обратно в усадьбу. Габриэлла все это время пыталась понять, о чем он думает. Выражение его лица казалось отсутствующим. Залы особняка на Асеене были наполнены великолепными классическими произведениями. Картины, вазы, скульптуры.

Габриэлла предположила, что так бывает при общении с очень богатыми людьми. Их трудно чем-то удивить.

Она выросла в роскоши, но никогда не принимала богатство как само собой разумеющееся. В мире всегда можно найти красоту. Вот почему она любила искусство. Вот почему она любила историю.

Габриэлле было непонятно равнодушие гостя.

Наверное, он такой же, как и его родители, искатели удовольствий, которые никогда не бывают удовлетворены тем, что имеют. Габриэлле же требовалось немного для того, чтобы не скучать. Удобная, со вкусом обставленная комната, хорошая книга. И прекрасное произведение искусства. Она ценила малые, нешумные удовольствия.

Ей было жаль тех, кто этого не понимал.

— Она здесь, — сказала Габриэлла, останавливаясь в дверях.

Мужчина удивленно поднял брови.

— Чего же вы ждете? Вы собираетесь меня ей представить?

— Мне очень жаль, я знаю, что вы сообщили свое имя слуге, который впустил вас, но я, кажется, забыла его.

Она солгала. Его имя — Алессандро, она помнила. Но ей не хотелось дать ему повод догадаться, что он занимал все ее мысли.

— Алекс, — сказал он.

— А фамилии нет? — съязвила она.

— Ди Сионе.

— Эта фамилия знакома королеве?

Он пожал плечами:

— Если она следит за сплетнями об американских бизнесменах. Мой дед сделал себе имя в Штатах и за рубежом; ни я, ни мои братья и сестры не замечены ни в чем сомнительном. Но я не уверен, что наша фамилия известна членам королевской семьи.

— Почему ваш дед так интересуется живописью? — спросила Габриэлла.

— Он коллекционер.

Габриэлла раздраженно вздохнула:

— Хотите быть загадочным — ваше право. Но я уверена: вы о многом умалчиваете.

Алекс засмеялся:

— Да, в загадочности мне не откажешь, но не думайте, что я знаю больше, чем мне позволили узнать. Мы с вами даже в чем-то похожи.

— В чем же?

— Мы находимся под диктатом дедушек и бабушек.

Габриэлла с трудом подавила смешок.

— Тем не менее давайте войдем.

Габриэлла толкнула дверь и прошла внутрь.

Бабушка сидела в том же кресле, в каком Габриэлла ее оставила. Но она почему-то выглядела иначе, казалась какой-то маленькой и испуганной.

— Бабушка, позволь мне представить господина Алекса Ди Сионе. Он пришел, чтобы поговорить о «Потерянной любви».

— Да, — сказала бабушка, жестом приглашая их пройти в комнату. Она сконцентрировала свое внимание на Алексе. — Моя внучка сообщила мне, что вы интересуетесь живописью.

— Так и есть, — ответил он, не дожидаясь приглашения сесть.

Алекс устроился на стуле напротив королевы, вытянув перед собой длинные ноги и руками опираясь на подлокотники. Он выглядел скучающим. Королева же, наоборот, была напряжена.

— Что вас интересует? — спросила она.

— Я действую от имени моего деда. — Алекс взглянул на сад. — Он утверждает, что картина имеет какую-то особенную ценность для него.

— Существование картины никем не подтверждено, — ответила королева Лючия.

— Мне это хорошо известно. Но дед абсолютно уверен в ее существовании. На самом деле он утверждает, что она когда-то принадлежала ему. — Темный взгляд Алекса был направлен на королеву. — Он бы очень хотел получить ее обратно.

Повисло неловкое молчание. В комнате словно ощущалось присутствие четвертого человека. Габриэлла заметила, что ее бабушка внимательно изучала лицо Алекса.

— Вы говорите, ваш дед? — спросила она.

— Да. Он уже довольно стар и, я боюсь, становится все более сентиментальным. Он готов хорошо заплатить за эту картину.

— Я боюсь, что не смогу вам помочь, — сказала королева.

— Почему? — спросил Алекс с вызовом.

— У меня ее нет... уже много лет.

— Но картина существует?! — почти закричала Габриэлла.

— Да, — сказала бабушка, и ее голос внезапно стал очень тихим.

— Почему ты никогда не говорила об этом раньше?

— Потому что лучше некоторые вещи оставить похороненными в прошлом. Так они не смогут никому навредить, — сказала королева.

— Вы имеете представление, где эта картина может быть сейчас? — спросил Алекс, явно равнодушный к переживаниям королевы.

— Она на Исоло Д'Оро.

— Где именно? — спросил он бескомпромиссным тоном.

— Подождите снаружи, молодой человек, — сказала королева, и ее властный тон не оставил никаких сомнений в том, что для Алекса аудиенция уже закончена.

Алекс промолчал. Но через несколько секунд он все же встал, поправил стрелки на брюках и, кивнув, вышел.

— Ты должна поехать с ним, чтобы найти картину, — сказала бабушка, когда он оказался вне пределов слышимости.

— Почему? — спросила Габриэлла, и ее сердце бешено заколотилось.

— Я... Я хотела бы снова увидеть ее. В последний раз. И еще... на всякий случай, я хотела бы убедиться, что картина не попадет в руки мошеннику.

— Я не понимаю, — сказала Габриэлла, пытаясь осмыслить полученную информацию. — Мы никогда не говорили о картине, но я давно подозревала, что она существует. Я знаю, что она как-то связана с тобой.

— Да, — продолжила королева. — Эта картина была доказательством того, что у принцессы был любовник.

Когда-то бабушка Габриэллы была принцессой. Молодой. Незамужней.

Трудно было представить, что у бабушки был любовник. Сложно представить, что она могла совершать поступки в порыве страсти.

— Я понимаю, — сказала Габриэлла. — И... ты?...

Королева глубоко вздохнула, подняла глаза и встретила взглядом с Габриэлой. В ее глазах принцесса увидела былые чувства: горечь, грусть, обиду.

— В молодости, Габриэлла, решения принимаются сердцем, а не головой. Ты не один раз это видела в ситуации с твоими родителями. И они больше не могут оправдывать свои поступки молодостью и неопытностью. Вот почему я всегда говорила, что ты должна иметь свою голову на плечах. Женщине нельзя терять разум из-за страсти.

Габриэлла медленно кивнула:

— Да, я знаю.

Она подумала о своих братьях, которые вольны поступать так, как пожелают. Об отце, который, казалось, избегал самой хлесткой критики. Самое худшее всегда было отведено для ее матери. Ее называли женщиной легкого поведения, и каждый ее поступок, от выбора наряда до выбора мужчины, с которым она поддержала разговор на светском мероприятии, обсуждался в прессе и считался доказательством ее распущенности.

— Наши сердца — плохие советчики, — продолжила бабушка. — Они непостоянны и легко поддаются чужому влиянию. Со мной было так. И я училась на своих ошибках.

— Конечно, — согласилась Габриэлла, потому что она не знала, что еще сказать.

— Иди с ним, — сказала королева Лючия, и ее голос обрел силу, стал решительным. —

Найди картину. Но помни этот разговор. Помни, что я говорила тебе.

— Я не думаю, что моему сердцу грозит какая-либо опасность.

— Он красавец, малышка.

Габриэлла рассмеялась:

— Он чужой! И к тому же довольно взрослый... не как мой отец, конечно.

Королева покачала головой:

— Поверь мне, тебе есть чего опасаться.

— Вам не придется беспокоиться о том, что я влюблюсь. Единственная проблема — это... зачем ему брать меня с собой? Теперь, когда он знает, что картина существует и что она находится на Исоло Д'Оро, ему будет достаточно легко ее найти.

— Нет, — ответила бабушка, — не так-то легко.

— Почему?

— Потому что у тебя есть ключ. Только у тебя.

Габриэлла нахмурилась:

— У меня нет ключа.

— Есть. Картина спрятана в одной из старых усадеб, которая принадлежала королевской семье. Она находится в секретной комнате, за импровизированной стеной, и никто бы не нашел ее там.

— А ключ?

Бабушка протянула руку и коснулась ожерелья, которое носила Габриэлла:

— Он там, где твое сердце. Всегда был там.

Габриэлла посмотрела на золотой кулон в виде простого цветка:

— Мое ожерелье?

Его подарили ей, когда она была ребенком. Оно было частью королевских фамильных драгоценностей, которые мать предполагала ей передать.

— Да, твое ожерелье. Ты когда-нибудь задумывалась, почему его задняя часть такой странной формы? В стене старого дома есть небольшое углубление, там и спрятана «Потерянная любовь». Но сначала найдите картину с изображением усадьбы, в раме которой есть замок. Ключ к нему у тебя.

Глава 3

Алекс смиренно ждал аудиенции у королевы в приемной особняка.

В любой другой ситуации он бы не позволил выставить себя за дверь так быстро. Он бы потребовал, чтобы все обсуждения велись в его присутствии. Конечно, королева Лючия обладала властью и положением, но семья Д'Оро была лишена трона уже очень давно.

Дверь хлопнула. Алекс повернулся и увидел принцессу Габриэллу в толстовке и плотных черных легинсах, направившуюся к нему. Она обхватила себя руками, как маленький испуганный зверек, ее глаза за очками казались огромными. Алексу почему-то было забавно за ней наблюдать.

— Ну, моя принцесса, — сказал он, — что вы узнали?

— Я знаю, где картина, — сказала она, заправляя шелковую прядь золотистых волос за ухо, затем вновь нервно переплетая руки на груди.

— Отлично. Нарисуйте мне карту на салфетке, и я уйду.

— Не будет ни направления, ни рисунков на салфетках.

— Даже так?

Габриэлла тряхнула волосами, и на мгновение он увидел проблеск королевского достоинства в ее довольно неряшливом внешнем виде.

— Я не указываю направления, но я его знаю. Я поеду с вами.

Алекс засмеялся:

— Это вряд ли.

— Поеду. Вы не знаете, как туда добраться.

— Габриэлла, я могу добыть информацию совершенно различными способами. С помощью денег или соблазнения важных особ — разницы для меня никакой — я, безусловно, получу то, что хочу.

Щеки принцессы порозовели.

— Но у меня есть ключ, — настаивала она. — Вернее, я знаю, где он находится. И поверьте мне, его вы не сможете купить.

— Ключ? — недоверчиво переспросил Алекс.

— И... Инструкции о том, как использовать его.

Алекс внимательно изучал принцессу. Она была начитанной. Не очень красивой, по его мнению. Также не слишком храброй. Маловероятно, из-за отсутствия храбрости, что она врала ему. Ее ум, с другой стороны, был под большим знаком вопроса.

В любом случае принцесса казалась ему непредсказуемой.

Именно поэтому он предпочитал не самых интеллектуальных женщин, с которыми довольно быстро можно было расстаться.

— Я не верю вам.

— Ладно, потом поговорим. Насладитесь путешествием на Исоло Д'Оро без меня. Я уверена, что, когда вы туда доберетесь, обнаружите, что были слишком самонадеянны.

— Незачем грубить.

Габриэлла моргнула:

— Я и не собиралась грубить. Я лишь хотела сказать, что без меня вы и правда не получите картину.

— Хорошо. Итак, вы знаете, где это, и у вас есть ключ. Почему бы не поехать без меня?

— Все не так просто. Я член семьи д'Оро. И хотя я имею право вернуться на остров,

получить доступ к картине по-прежнему будет проблемой.

— Понимаю. Итак, каков будет наш план? Богатый американский бизнесмен приехал в отпуск с красивой... — Он сделал паузу, осмотрел ее, не скрывая своего разочарования, — красивой принцессой в качестве любовницы?

— Ни в коем случае! — Принцесса вдруг стала пунцовой.

— У вас есть другое предложение?

— Мне не нужен скандал. Я хочу привезти сюда картину без лишнего шума.

— И я, уверяю вас, хочу того же. Это для частной коллекции, и я никак не собираюсь порочить королевскую семью.

— Я просто не доверяю вам, — процедила сквозь зубы принцесса.

— Отлично. Я и сам не стал бы себе доверять.

Ее щеки становились краснее.

— Я хочу поехать с вами. Но я не хочу поднимать шумиху. Вы наверняка знаете из заголовков газет, в каких скандалах, связанных с наркотиками, примирениями и расставаниями, замешаны мои родители... Прессе только на руку был бы скандал, связанный со мной.

Алекс улыбнулся:

— Ну, если вы не хотите поехать со мной в качестве любовницы...

— Нет!

— Тогда, боюсь, вам придется поехать в качестве моего личного помощника.

— Никто не поверит, что я ваша помощница. Я принцесса. — Габриэлла гордо вздернула маленький нос, золотистые волосы струились по ее спине, как пролитые чернила. Теперь она действительно выглядела как оскорбленная королевская особа.

— Как вы обычно выглядите, когда посещаете общественные мероприятия? Я полагаю, что одеваетесь все же как-то иначе?

— Я не часто выхожу в свет. И мне помогают стилисты.

— А очки?

— Обычно я ношу контактные линзы.

— Принцесса Габриэлла Д'Оро. На фотографиях вы совсем другая.

Он сразу же вспомнил глянцевые снимки роскошной красавицы, бледная копия которой сейчас стояла перед ним.

Она махнула рукой:

— Все дело в профессиональном подходе к подбору одежды. На фотографиях на мне специальное белье для моделирования фигуры, макияж, скрывающий все недостатки, накладные ресницы, красная губная помада.

— Нам это только на руку. — Алекс долго рассматривал Габриэлла. — Да, мы сделаем все красиво. Вы поедете в качестве моей помощницы. С обычной прической, в очках. И в ужасном костюме... Никто не поверит, что вы принцесса Габриэлла. Никто не обратит на вас внимания. Так мы решим все проблемы с прессой, с местным правительством, и не будет никаких скандалов.

Алекс видел, что принцесса была готова вспылить и сыпать оскорблениями. Это его вполне устраивало. У него не было времени на переговоры о ключах и направлении поисков с глупой девушкой. Так что принцесса поедет с ним. И не имеет значения, в каком качестве.

— Это нелепая идея, — сказала Габриэлла. — Тем более что я никогда не путешествовала. В основном я жила здесь, в имении.

— Свернувшись калачиком на подушках, читая книгу?

Она моргнула:

— Что еще можно делать на подушках?

— О, я могу назвать несколько занятий.

— Пить чай?

— Нет. Не пить чай.

На лице принцессы читалось замешательство, что лишь умилило Алекса. Но его не очень-то интересовали невинные девушки, пусть даже и очень начитанные.

Она была... наивная. Совсем юная.

— Сколько вам лет?

Габриэлла фыркнула:

— Мне двадцать три. Вы можете перестать смотреть на меня как на школьницу?

— Дорогая, по сравнению со мной вы школьница.

— Сколько вам?

— Это не ваше дело.

— Я должна уважать старших?

Алекс засмеялся. Ему нравилось насмехаться над людьми, но никто не смел шутить над ним самим. Алексу нравилось заставлять других дрожать в его присутствии, но иногда он страдал от одиночества и отсутствия друзей, ведь мало кому мог понравиться его характер.

Только родственники могли понять его. Вернее, только дед.

— Решено. Вы будете моей личной помощницей, студенткой колледжа на стажировке, путешествующей со мной по Исоло Д'Оро. Вы собираетесь изучить местную культуру, пока я обсуждаю деловые вопросы.

— Предполагается, что я буду вашей... практиканткой? — Габриэлла чувствовала невероятное раздражение.

— Да. Конечно, имя Габриэлла звучит слишком величественно. Как насчет Габи? Звучит неплохо. Как думаете, Габи?

— Я ненавижу, когда меня так называют.

— Держу пари, что скандалы вы ненавидите еще больше. Итак, вы — Габи, моя помощница, и мы не будем больше ничего придумывать.

Габриэлла нахмурилась, ее темные брови опустились и исчезли за толстой оправой очков.

— Если вы будете так же гадко вести себя во время поездки, это станет большой проблемой.

— Так гадко я себя вести, конечно, не буду. Я буду вести себя еще хуже.

Ее глаза расширились от удивления.

— Почему?

— Жизнь коротка, в ней мало сюрпризов. Я делаю все возможное, чтобы развлекаться самостоятельно.

— Да, я живу в поместье с пожилой женщиной. Я тоже развлекаю сама себя. Но, как правило, просто посвящаю время генеалогическим проектам и плетению ручного кружева, салфеток в основном.

— Кажется, это называется фриволите?

— Да. Салфеток не бывает много. Тем более в таком огромном доме.

Алекс вопросительно приподнял бровь, изучая ее лицо, чтобы понять, насколько она искренна.

— Придется поверить вам на слово.

— У вас нет салфеток?

Он пожал плечами:

— Возможно, в одной из моих резиденций. Не обращал внимания.

— Я могла бы сделать немного.

Алекс повернулся:

— Вы не собираетесь показать мне мою комнату?

— Простите? — спросила она.

— Вы не собираетесь показать мне мою комнату? — повторил он. — Мы отправимся на Иоло Д'Оро завтра рано утром. Я не вижу смысла сейчас куда-то ехать. В особняке множество комнат. И они вполне комфортны. Я слышал, там даже салфетки есть. Это мне вполне подойдет.

Алекс послал Габриэлле самую очаровательную улыбку, но она никак не отреагировала.

— Я не приглашала вас остаться.

— Не слишком-то гостеприимно с вашей стороны. Я воздержусь от оскорблений ради приятного завтрашнего путешествия. Теперь, — отрезал он бескомпромиссно, — будьте хорошей девочкой и покажите мне мою комнату.

— Что это?

Габриэлла вышла из спальни, расположенной в хвосте частного самолета. Она надела очки и собрала волосы в хвост. На ней был новый наряд, которому пришлось проделать большой путь, прежде чем оказаться на борту самолета, вылетевшего с Иоло Д'Оро. Точнее, одному из дворцовых слуг пришлось проделать большой путь, чтобы раздобыть его.

Алекс неторопливо завтракал и одновременно проверял в компьютере состояние дел на фондовой бирже. Он убедился, что в его офисе на Манхэттене тоже все в порядке.

Увидев Габриэлла, он просто не смог оторвать от нее взгляд.

— Ваш костюм, Габи, — громко произнес он.

Сейчас принцесса была похожа на взъерошенную сову.

— Он не очень хорошо сидит.

— По крайней мере, это не толстовка, которая была на вас вчера.

— Я просто не видела смысла наряжаться.

— Естественно.

Она нахмурилась:

— Что это значит?

— Вы предсказуемы, только и всего.

Габриэлла еще больше нахмурилась:

— Не важно. Это... — Она указала на черные брюки, сильно зауженные — гораздо сильнее, чем ожидалось, — и белую блузку, дополненную большой булавкой, которая больше подошла бы ее бабушке. — Обычно я так не одеваюсь.

Габриэлла и правда не была похожа на принцессу. Но костюм сидел на ней не так уж плохо. Он был очень модным, хотя и не очень дорогим.

— В чем именно проблема?

— Брюки очень тесные.

— В этом их преимущество, как мне кажется.

Алекс еще раз удостоился чести наблюдать, как она краснеет.

— Я не люблю привлекать внимание к своей фигуре.

— Послушайте меня и поверьте, Габриэлла. Вам не нужно ничего делать, чтобы привлечь внимание к своей фигуре. Она у вас вполне... приличная.

Алекс не соврал. Фигура принцессы не соответствовала канонам современной красоты, вряд ли ее можно было назвать спортивной. Габриэлла была мягкой, упитанной: грудь среднего размера, казавшаяся большой благодаря тонкой талии и округлым бедрам, красивые, чуть полноватые ноги... Алекс невольно залюбовался.

— Хорошо. Это... это был комплимент?

— Именно.

— К сожалению, я не привыкла получать комплименты от мужчин.

— Вы когда-нибудь уезжали отсюда?

— По правде говоря, не так часто.

— В этом и проблема. Вас бы завалили комплиментами.

— Почему?

— Потому что вы вполне можете нравиться мужчинам.

— И чем же? Статусом?

— Не только. У вас прекрасное тело. И другие прелести. Я думал, что это ясно. — Алекс улыбнулся.

Габриэлла нахмурилась. Он ожидал, что она рассердится или отпрянет к стене, как сделала бы любая героиня любовного романа. Вместо этого она вошла в самолет и заняла место напротив него, скрестив ноги и положив руки на колени.

— Вы очень прямолинейны, — строго заметила она.

— Да. Я знаю, это пугает людей. Чем я и наслаждаюсь.

— Я тоже часто говорю первое, что придет в голову. И пугаю этим людей. Особенно мужчин.

— Именно поэтому вы не получаете комплименты?

— Моя мать всегда говорила мне, что нужно уметь поддерживать разговор... хотя бы на тему погоды. Но мы живем на острове. Если нам не угрожает ураган или цунами, в погоде нет ничего интересного.

— Вот это в точку. Но, так уж вышло, разговоры не всегда важны мужчинам. Многие предпочитают красивых пустышек.

— Вы тоже?

Он хмыкнул:

— О, я больше всех.

Она наклонила голову и с улыбкой спросила:

— Почему?

— Что — почему, дорогая?

— Почему многим мужчинам так нравятся пустышки?

— Потому что. Мужчинам, включая меня, не нужны женщины для праздных разговоров. Они, то есть мы, хотим от вас всегда только одного.

Она раздраженно выдохнула:

— Ты имеешь в виду секс.

Алекс удивился ее неожиданной прямооте.

— Да.

— Предсказуемо. Могу предположить, почему моя мать идет по жизни так легко. Мать — олицетворение внешнего блеска и глянца. Мой отец ничем подобным не обладает. Но он умеет покупать женщин.

— О, мне знаком этот образ жизни.

Габриэлла растерянно посмотрела на Алекса, что лишь позабавило его.

— Я не о себе. Действительно, во мне есть привлекательные черты, благодаря которым женщины оказываются у меня в постели. Деньги. Кажется, изначально они клюют именно на них. Но вообще-то я имел в виду своих родителей.

— Неужели?

— Да. Похоже, наши родители могли бы подружиться.

— Ваши мать и отец увлекаются наркотиками, дикими выходками и носят сомнительные наряды?

Он горько усмехнулся:

— Они увлеклись этим настолько сильно, что это их убило.

Габриэлла с жалостью взглянула на Алекса:

— Печально. Я не должна была поднимать эту тему. И все же, если не секрет, как умерли ваши родители?

Габриэлла и правда ничего о нем не знала. Редкий человек не вспоминал историю его семьи, когда он называл свое имя. Габриэлла, конечно, довольно необычная. Но сейчас она стала

для Алекса глотком свежего воздуха, которого он жаждал.

— Они погибли в автокатастрофе, — сказал Алекс.

— Это ужасно.

— Думаю, да. Но я был маленьким, и родители не очень-то мной интересовались. — Шел снег. Дороги были покрыты льдом. Отец и мать кричали друг на друга. И маленький мальчик, его сводный брат, стоя на холоде, выглядел потерянно и одиноко. — Я воспринимаю свои отношения с родителями как трагедию. Поучительную историю. Я, может быть, немного повеса, но не распутник. Пример родителей оказался очень поучительным.

Габриэлла кивнула, словно понимая, о чем он говорил. Алекс не сомневался — весь ее опыт распутной жизни ограничивался страницами книг.

— Если бы не родители, — сказала она, медленно произнося каждое слово, — кто знает, какой бы я была? Их пример удержал меня в усадьбе на Асеене, где я жила мирно и спокойно.

Алекс немного удивился ее откровенности.

— Нужно смотреть на жизнь как на некое деловое соглашение.

— Ты так думаешь?

Он кивнул:

— Да. Бизнес — это здравый смысл. Им занимаются, чтобы заработать деньги. У всех деловых партнеров мотивы прозрачны с самого начала. Все поступают исходя из собственной выгоды. Составляются контракты, обсуждаются сроки.

— Все более определенно, чем в человеческих отношениях.

— Мне всегда казалось немного странным, что развестись проще, чем расторгнуть деловой контракт. Если бы люди воспринимали брак так же серьезно, как и бизнес-сделки, мир был бы другим. — Алекс откинулся на спинку кресла. — Конечно, можно сначала заключить эксклюзивную сделку с одним деловым партнером, а потом «прыгнуть в постель» к другому. Но это грозит быстрой потерей авторитета, а следом — и бизнеса. Это не прибыльно. Личные отношения — более загадочная сфера. Их нельзя измерить с позиции прибыльности. Меня это тревожит.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказала Габриэлла. — Но я никогда не проводила параллели между бизнесом и отношениями. Просто мои мозги не созданы для бизнеса.

— А для чего созданы ваши мозги, Габи?

— Ну... я люблю читать.

— Что именно?

— Много всего...

Алекс прищурился:

— Вы говорили, что любите генеалогию.

— Да. Это так. Меня интересует история моей семьи. Изучая исторические источники, я могу докопаться до правды. То, что в прессе пишут о нас... все ложь.

— Могу себе представить, что чувствует внучка печально известной в мире опальной королевы.

Габриэлла пожала плечами.

— Да, ощущения не из приятных, — сказала она. — Но я выясняю историю семьи не только из-за нашего изгнания. Мне просто интересно самой узнавать что-то новое.

Ее глаза сверкнули, что выдавало сильную увлеченность. Алексу интересно было разговаривать с женщиной на серьезные темы — новый для него опыт. Обычно ему был важен лишь секс. Когда любовницы выходили из его спальни, он тут же забывал их имена. Он просто не умел испытывать глубокие чувства к людям. По крайней мере, к тем, кто не был частью его семьи.

— Я так мечтаю поскорее вернуться на остров, — сказала принцесса. — Бабушка рассказывала о семейной усадьбе. О дворцах. Но я видела их только на старых, выцветших фотографиях.

— Почему именно королевская семья была изгнана из страны?

— Много разных версий. Говорили о несправедливом налогообложении. Мой прадед был тираном, скрягой. Конечно, моя бабушка не была в этом замешана. Тем не менее произошло восстание, и ночью семье пришлось бежать. Родным повезло еще, что они остались живы.

— Это точно.

— Думаю, я буду первой в своей семье, кто ступит на Исоло Д'Оро после бунта.

— Вероятно. Но сейчас лучше пристегнитесь, принцесса. Мы прибываем. И это последний раз, когда я назвал вас принцессой, я не буду этого больше делать в обозримом будущем.

Габриэлла была ошеломлена прекрасным видом.

Город, в котором они с Алексом оказались, был наполнен красивыми старинными памятниками архитектуры, а Средиземное море раскинулось перед ним как драгоценный камень. Город представлял собой гармоничную смесь старого и нового. Многоэтажки, возвышавшиеся в новой части, олицетворяли стремление нации богатеть и развиваться. Старые исторические районы остались неизменными.

Габриэлла намеревалась немедленно все посмотреть. Ей не хотелось прохладиться в Гранд-отеле, где Алекс забронировал им номера. Но тот сообщил, что у него есть дела, и он не желал, чтобы она гуляла по стране одна.

Принцесса могла бы возразить ему, но все же не решилась этого сделать. Она решила держаться поближе к крупному американскому бизнесмену, который так ей нравился.

Габриэлла сидела в номере Алекса и размышляла об их путешествии.

Не то чтобы Исоло Д'Оро казался опасным местом, но история о том, как ее семья бежала под угрозой расправы, звучала эхом в сознании Габриэллы.

— Каковы ваши впечатления о стране?

Именно в этот момент Алекс вышел из спальни. Он сбросил с себя пиджак, расстегнул воротник белой рубашки, обнажив загорелую грудь.

— Все чудесно, — ответила она.

— Я рад, что вы так думаете.

Габриэлла внимательно изучала Алекса.

— Правда?

Он улыбнулся, и его улыбка заставила ее сердце биться чаще. Каждое его движение вызывало электрические разряды по всему телу.

— Нет, — сказал он. — Меня на самом деле не волнует, что вы думаете. Просто я пытаюсь быть вежливым.

Габриэлла смотрела на Алекса, пытаясь понять по его лицу, говорит ли он правду.

— Я не знаю, как к вам относиться, — сказала она.

— Уверен, что я навожу на вас ужас... как и на всех прочих.

— Правда?

— Все знают, что я человек с трудным характером. Требовательный и даже дотошный в деловых вопросах. Во мне мало человеческого. Некоторые говорят, что, если меня разрезать, кровь не потечет.

— Ну, это смешно. Потому что кровь есть у всех, — сказала она.

— Для такой умной девушки вы слишком буквально все воспринимаете.

— Смешно, — настаивала она. — Конечно же вы человек.

— Разве? Мне кажется, не все так думают. И к тому же я нахожу это забавным и не пытаюсь никого переубедить.

— Почему?

Алекс прошелся по небольшой гостиной, направляясь в спальню, из которой он только что вышел, толчком открыв дверь.

— Идете? — спросил он.

Сердце Габриэллы забило чаще.

— Что?

— Вы задали вопрос. Я подумал, что вы захотите услышать ответ. Но я должен пойти к себе в комнату, чтобы взять куртку и галстук.

Принцесса проследовала за ним, чувствуя себя немного глупо оттого, что не так поняла его слова.

Габриэлла не привыкла к флирту и разговорам с намеками на секс. Но ее это даже устраивало. Конечно, когда-нибудь она хотела бы найти мужчину. Подходящего человека, с которым могла бы составить гармоничную пару. Возможно, она будет любить избранника больше, чем он ее. Это может быть человек, вхожий в великосветское европейское общество, так же любящий книги и пыльные библиотеки. Да, так. Скорее всего. Наверняка это не американский бизнесмен, которому нравится издеваться над невинными девушками.

— Вы хотите знать, почему мне нравится держать людей на расстоянии?

— Да.

— Я люблю ощущение свободы, — сказал Алекс. Он открыл шкаф и достал куртку и галстук черного цвета. — Когда люди боятся тебя, они стремятся держаться подальше.

— Чего же они боятся?

— Я не знаю. — Он застегнул воротник рубашки. — Это самое забавное. Несмотря на все слухи о моих проступках, я пока никого не бросил в подземелье. И кровь ничью не пил. Впрочем, с моим именем связано много легенд, и кто я такой, чтобы спорить с этим?

— Никогда и ничего такого о вас не слышала. Но я жила практически в заточении в нашем поместье. Я очень многого не знаю.

Он удивленно поднял темную бровь.

— У вашей бабушки нет вай-фая и Интернета?

— Да, у нас есть Интернет. Просто я не часто им пользуюсь.

— А почему?

— Я впадаю в панику, зная, что могу войти в любое время на новостной сайт и увидеть в заголовке упоминание о моем семействе. Мои братья... они такие же богатые, как вы. Безжалостные. Развратники, как вы выразились ранее. Мои родители еще хуже. По крайней мере, в братьях есть хоть крупица человечности. Они забавные, когда хотят быть такими. И они довольно приятные люди на самом деле. Для меня. Пожалуй, их экс-любовницы расскажут вам другую историю. Но даже если они это заслужили... даже если отчасти это правда... мне не очень приятно видеть, что СМИ пишут о моей семье.

— Но... Вы ведь любите собирать информацию о своих родственниках?

— Да.

— Но вы хотите сами сформировать общественное мнение о вашей семье.

Она покачала головой:

— Нет, я всего лишь хочу, чтобы все было правильно, без обмана.

— Это ложь, Габи. Вы хотите контролировать историю вашей семьи. Вам нравится комбинировать те или иные факты по своему усмотрению. В этом нет ничего плохого. Но это так.

Габриэлла чувствовала, что Алекс разгадал ее секрет.

— Почему вы думаете, что так хорошо меня знаете? — спросила она.

Его темные глаза встретили ее взгляд.

— В чем-то вы похожи на меня. И я тоже до сих пор так и не понял, как к вам относиться.

Она опустила глаза.

— Наверное, вы считаете меня занудой... как и многие.

— Нет. Вы и скука — вещи несовместные. Но я считаю это негативным качеством.

Она нахмурилась.

— Почему плохо быть интересной?

— Потому что я люблю скучных женщин. С ними можно провести ночь и забыть об их существовании.

Принцесса покраснела.

— Я не собираюсь проводить с вами ночь.

Он хмыкнул:

— Я и не предлагал.

Краска стыда окатила ее. Конечно, он не предлагал.

— Когда я найду в своей жизни место для такого рода отношений, я выберу человека, близкого мне по возрасту и имеющего со мной общие интересы.

— О, правда. Я и забыл. Между нами пропасть в несколько поколений.

— Так и есть. Мы даже музыку с вами разную слушаем.

Он мягко засмеялся:

— Но вы не любите популярную музыку. Вам нравится классическая.

Алекс опять угадал. Может быть, он читал мысли по глазам?

— А какую музыку вы любите? — спросила она.

— Классический рок. — Он улыбнулся. — Вы правы, мы слишком разные.

— Ах, тогда позвольте мне взять веник и совок, чтобы подмести осколки моего разбитого сердца.

— Я не против, но нет времени для уборки. У нас встреча.

Она моргнула:

— У нас?

— Да. У нас встреча с премьер-министром Исоло Д'Оро.

— Но... Когда?

Он поднял руку и посмотрел на часы, явно очень дорогие.

— Через десять минут.

Габриэлла отметила про себя, как он прекрасен. Хорошо отглаженная белая рубашка, а остальная одежда — чернильно-черная, под стать его волосам и глазам. Он напоминал темного ангела в костюме от Армани. А она... ну, она была одета в брюки из полиэстера.

— Подождите! Это нечестно. У вас была возможность переодеться. Я до сих пор в тех вещах, в которых была в самолете.

— Костюм идеально вам подходит. Вы моя помощница, а не любовница. Не принцесса. — Он полез обратно в шкаф и вытащил сумку с одеждой. — Так, убедитесь, что это будет отдано персоналу отеля. Куртку я уже надевал. Она должна быть почищена.

— Я собираюсь встретиться с премьер-министром Исоло Д'Оро в этих смешных узких... брюках... какими бы они ни были. И теперь мне еще придется делать черную работу?

— Ну, Габи, если бы мы решили представить вас моей нынешней любовницей, я бы нарядил вас в шелка. А пока я отправляю вас в химчистку.

Она фыркнула:

— Я смотрю, вы просто в восторге от собственной изобретательности.

Он усмехнулся:

— О да. Как я говорил вам раньше, я привык получать от жизни удовольствие. И я нахожу все это неожиданно веселым.

Глава 6

Проблема встречи с известными людьми состояла в том, что они всегда являлись с охранниками и папарацци. Но Алекс знал, что премьер-министр обеспечил бы самый быстрый доступ к различным историческим памятникам, которые им потребуются для поисков «Потерянной любви».

Большая часть ресторана была освобождена для подготовки к встрече с политиком, и зал был почти пустой, за исключением трех человек, сидевших в дальнем углу за столом.

Когда премьер-министр наконец прибыл в ресторан при отеле, опоздав на добрых пятнадцать минут, он первым делом принялся изучать винную карту.

Алексу он сразу же показался невыносимым. Бледный человек с безвольным подбородком, уверенный в том, что ценно лишь его время. Он, даже не представившись, почти сразу же оскорбил персонал отеля замечаниями о вине.

Алекс взял за правило не показывать своего раздражения. Как только вино было выбрано, Алекс перешел к обсуждению деловых вопросов.

— Алессандро Ди Сионе, — сказал он, протягивая руку политику. — Приятно встретиться с вами, премьер-министр Коллетти. Это — моя помощница Габи. Студентка университета на стажировке. Она приехала со мной, чтобы помочь в моей миссии.

— И в чем состоит миссия? — спросил премьер-министр, откинувшись на спинку стула и заводя руки за голову.

— Я собиратель древностей. Я слышал, что здесь, на Исоло Д'Оро, находится очень ценная коллекция картин, мне хотелось бы приобрести некоторые произведения. Особенно меня интересуют картины, которые принадлежали бывшей королевской семье.

— Вы интересуетесь историей и живописью?

— Так и есть, — сказал Алекс.

Премьер-министр улыбнулся:

— Какие виды живописи больше всего вас интересуют?

Алекс замялся. Его дед был прав. Вероятно, он был обязан вернуть деньги, потраченные на дорогие пансионы, дающие школьное образование.

— Портреты в первую очередь, — заметила Габриэлла. — Холст и масло в основном. Хотя я знаю, что здесь есть прекрасные мраморные бюсты. А также пейзажи. Пасторали. Я слышала, то есть я имею в виду, Алессандро сказал мне. Ему нравятся картины, изображающие гусей.

Премьер-министр рассмеялся.

— И все же не думаю, что я с легкостью пойду на сделку, — заметил он.

— В любом случае мы были бы очень заинтересованы в том, чтобы увидеть коллекцию, — продолжил Алекс.

— И я рад буду ее показать. Во дворце множество коллекций королевской семьи, вы найдете здесь все, что угодно. И все же мне любопытно. Вы возглавляете огромную судоходную компанию, это так?

Алекс наклонился вперед, ощутив внезапный интерес к беседе.

— Да.

— Возможно, мне нужна будет ваша помощь. Возможно, мы даже заключим сделку.

— Это было бы интересно, — сказал Алекс.

— Вообще-то мы приехали сюда за другим, — напомнила Алексу Габриэлла.

— Хороший бизнесмен учится работать в многозадачном режиме как можно раньше, но у

вас еще слишком мало жизненного опыта, чтобы это понять, — ответил Алекс.

Принцесса промолчала, едва сдерживая желание пнуть Алекса под столом.

— Замечательно, — сказал премьер-министр. — Прием состоится вечером на открытом воздухе. Празднуем пятьдесят лет независимости Исоло Д'Оро.

Алекс чувствовал, что Габриэлла задрожала от ярости, и на этот раз виноват был вовсе не он. Он нашел ее руку под столом и быстро сжал ее, словно предупреждая: все идет по плану.

Алекс даже не думал, что ее кожа окажется такой нежной и гладкой.

Он быстро убрал руку, сосредоточив свое внимание на разговоре с премьер-министром.

— Я бы очень хотел пригласить вас, — сказал политик, — и вашу помощницу. Там вы сможете увидеть часть произведений искусства, некоторые образцы архитектуры, и мы также обсудим возможности делового сотрудничества.

— Это замечательно, — сказал Алекс.

Стоя в номере отеля и глядя в окно на Иоло Д'Оро, Габриэлла испытала совершенно волшебные чувства. Она была потрясена, когда лимузин премьер-министра Коллетти въехал в большое поместье, которое когда-то было ее домом. Сейчас им позволили здесь остановиться.

Этот дом — ее наследие по праву. Величественные, раскинувшиеся перед ней земли должны принадлежать ее семье. Удачно расположенный дом с великолепной каменной кладкой вокруг окон, с монументальными колоннами и арочным проемом когда-то был собственностью королевской семьи. До тех пор, пока правящую чету не свергли.

На протяжении веков здесь правили предки Габриэллы. Они жили в этих стенах, гуляли по раскидистым садам. Сейчас даже бабушка Габриэллы не смогла бы сюда вернуться, чтобы забрать картину — исторический артефакт, невероятно древний и ценный.

Именно об этом размышляла Габриэлла в тот момент, когда вместе с Алексом они входили через величественные залы поместья. Казалось, здесь все было пропитано историей — историей ее семьи. Кровь ее предков могла быть в кирпичной кладке. Дети рождались здесь, старики умирали. Ее родственники. Ее предки.

Сердце принцессы переполняли приятные ощущения. Она чувствовала связь с этим местом, напивалась его энергетикой. Принцесса вдруг почувствовала себя как никогда уверенно.

Наконец они с Алексом оказались в великолепном двухкомнатном люксе. Маленькая комната предназначалась для нее.

Как только провожатые ушли, Алекс улыбнулся:

— Отличный люкс. Если вы мне вдруг понадобится, мне не придется бродить по всему поместью.

Щеки ее запылали.

— В конце концов, — продолжил он, — вы моя помощница. И мне вполне может понадобиться помощь посреди ночи.

Габриэлла стиснула зубы, прекрасно понимая, что Алекс видит ее замешательство.

— В случае, если вам нужен будет стакан молока?

— Да. — Его губы изогнулись в самодовольной улыбке. — Я часто выпиваю стакан теплого молока на ночь. Это помогает мне уснуть.

— Я обязательно принесу его вам раньше. Середина ночи для человека вашего возраста — это... восемь часов?

— Да. И захватите вместе с молоком еще и мои витамины.

— Я сделаю так, как вы просите, сэр.

— Мне нравится ваша покорность, — сказал Алекс низким голосом.

Она с трудом отвела от него взгляд и осмотрела номер. Все было чисто и довольно помпезно.

Алекс отошел от двери, и принцесса последовала за ним. Она была слишком очарована, чтобы бороться с его дьявольским обаянием.

Комната Алекса оказалась просто роскошной: стены, облицованные темными деревянными панелями, множество предметов классического искусства, окна от пола до потолка, задернутые бархатными портьерами. В дальнем углу стояла большая кровать с балдахином, отгораживающим спальное место от любого нежелательного света или шума.

— Я не думаю, что здесь обновляли обстановку с начала века. Прошлого века, — сказал Алекс.

— Да, я предполагаю, что все это — невероятный раритет.

— Да вы романтичная особа.

Принцесса нахмурилась. Никогда не считала себя романтичной. Нет, он был не прав.

— Мне больше интересны факты, а не фантазии.

— Вы только так говорите. Но вы всегда замечаете прекрасное. Не существует универсального понятия красоты. Один человек может найти что-то красивое в том, что другой считает полным уродством. Точно так же, — сказал Алекс медленно, и пристальный взгляд его темных глаз заставил Габриэлла пылать, — можно смотреть на человека каждый день, не замечая его красоты. Потом вдруг в один день глупец вдруг прозревает. Красота имеет странную особенность: она прячется на виду.

Принцесса нервно сглотнула.

— Но... Красота может быть и очевидной. Хотя при ближайшем рассмотрении оказывается, что это пустое тщеславие и все великолепие меркнет.

— Вы говорите о ваших родителях? — уверенно спросил он.

Габриэлла решила, что Алекс имел право задать столь резкий вопрос, ведь она тоже была слишком прямолинейна, расспрашивая его о родителях.

— Да. И о ваших.

— Точно.

— Ладно, я признаю, возможно, вы правы. Мне нравится искусство и красивые вещи. Но я живу с бабушкой и, возможно, сильно отличаюсь от девушек моего возраста. Я люблю читать. Люблю слушать звук дождя, стучащего по крыше. Люблю смотреть, как капли скатываются по оконному стеклу. Я наслаждаюсь тишиной. Я люблю искусство за то, что оно учит нас думать. Именно поэтому мне так интересна генеалогия: анализ фактов заставляет работать мозг.

— Очень интересный взгляд на вещи, — сказал Алекс тихо. — У меня, например, нет времени для творчества. И для книг. И для того, чтобы сидеть и слушать дождь. Я потерял способность ценить красоту так, как это делаете вы. Но это не значит, что я отрицаю вашу точку зрения.

— Наверное, вы просто слишком устали от постоянной суеты вокруг вас.

— Да, — сказал он мрачно. — Я просто слишком устал. Но, окружив себя богатством, когда любой мой каприз, любое мое желание так легко исполняются, я вряд ли мог рассчитывать на что-то другое.

— У меня был подобный опыт, не забывайте.

— Да, вы, кажется, практиковали искусство самоотречения немного более удачно, чем я.

— Увы.

— Это одна из ваших добродетелей, я уверен.

Габриэлла нахмурилась, медленно прошла мимо Алекса по комнате. Ее туфли на низком каблуке постукивали по мраморному полу. Она спокойно рассматривала пейзажи на стене.

— Мои родители потакали мне во всем, но их собственная жизнь была полна эмоций и страстей. Их образ жизни кажется мне утомительным. Опасным. Эгоистичным. Но есть и другие крайности. К примеру, вы... по-моему, вы живете слишком скучно.

— Проблема в том, принцесса, что я видел, где заканчивается дорога жизни. В мире существует отчаянная бедность. Трагедии. И я знаю, что есть люди, которые считают, что, если они заработают очень много денег, они будут счастливы. Но у моих родителей было все: богатство, семья, красота. Секс, наркотики и алкоголь в любой комбинации. У них было все, и их ничто не радовало. Они никогда не прекращали поиск удовольствий. Так вскоре их жизнь стала напоминать фарс. Они изменяли друг другу. У отца был ребенок от другой женщины. Ребенок, которого он никогда не признавал. В общем, я видел, как закончилась жизнь моих родителей, и

мне трудно на что-то надеяться.

— Вы думаете, что жить бессмысленно?

— Конечно нет. Иначе я тотчас же выбросился бы из окна. Я думаю, что есть в жизни стороны, которыми можно наслаждаться. Есть музыка, которая мне нравится, любимая работа. Я люблю деньги... люблю секс. Но при всем при этом, я не уверен, что счастье действительно существует.

— Все это звучит довольно... безнадежно.

— Может быть, так и есть. Или, может быть, именно поэтому я отношусь ко всему со здоровой долей цинизма. Есть вещи и похуже.

— Я думаю, что счастье есть. И не так уж бессмысленна жизнь.

Алекс расправил широкие плечи, и Габриэлла обратила внимание на то, как он двигался. Он был похож на большую хищную кошку. Выслеживающую в засаде свою добычу до тех пор, пока она не сделает неверный шаг.

Интересно, была ли она сейчас жертвой?

— У всех есть механизмы выживания, — сказал он. — Но в случае с моей семьей лишь чудо могло спасти родителей от распутства.

Габриэлла остановилась и повернулась к нему лицом:

— А как же любовь? Вы верите в нее?

— Я верю в справедливость. Я верю в верность. Я считаю, что нужно держать свое слово.

Главное же, во что я верю, — это деньги, холодный расчет, бизнес.

— Доверяй своему разуму, а не сердцу, другими словами.

— Мой разум — это единственное, чему я доверяю.

Габриэлла вдруг тяжело вздохнула, глядя на свою спальню. Так непривычно было находиться с Алексом в столь тесном соседстве.

— Тогда, может быть, вы могли бы использовать премьер-министра для поиска картины в этом огромном дворце?

— Думаю, да, — задумчиво произнес Алекс. — Проще всего — отправиться туда на экскурсию. Возможно, нам покажут скрытые достопримечательности.

— Конечно. Если мы сможем это устроить.

— Сможем. Самое главное — нам нельзя сразу забирать картину. Мы должны имитировать строго деловые отношения. В любом случае я действительно намерен обдумать важную сделку, поэтому мы должны продержаться до последней вечеринки.

— Ожидаются вечеринки?

— Каждую ночь. Премьер-министр прислал мне расписание по электронной почте, — сказал он сухо. — Но я думаю, мы должны обязательно остаться на последнюю вечеринку. Четыре дня. Потом мы уедем. Легко.

Принцесса нахмурилась.

— Вы устали? — спросил Алекс.

— Да, — сказала она, вдруг почувствовав себя совершенно изнуренной.

— Вам нужно немного отдохнуть перед сегодняшним приемом.

— Что я должна делать? Здесь люди знают, что я принцесса Габриэлла. Или по крайней мере подозревают.

— Поехать со мной — ваш выбор, принцесса. Я не против небольшого скандала. Какое мне дело, если все решат, что вы моя любовница? Меня это не волнует. Совсем.

— Конечно, вы мужчина, и вас вряд ли обвинят в сексуальной распущенности.

Алекс хмыкнул:

— А для вас, думаю, эти слухи были бы в новинку.

Габриэлла почувствовала обиду.

— Возможно, я просто... осторожничаю с выбором мужчин.

— О, я в этом не сомневаюсь. Вы, как мне кажется, очень осмотрительны.

Она поморщила носик.

— Да. По причинам, которые вы должны хорошо понимать.

— Идите отдыхать. Затем наденьте маску осмотрительности и готовьтесь к вечеринке.

Никто так и не узнал, что Габриэлла — принцесса. Больше всего она походила на забитую тихоню. Для вечеринки она выбрала весьма сдержанный наряд: юбка-карандаш и кремовый топ, дополненный ниткой жемчужного ожерелья. Ее золотистые волосы были распущены сзади, большие очки все так же приковывали к себе внимание окружающих.

Ее образ был исключительно деловым. И это раздражало Алекса.

Другие женщины выбрали дерзкие коктейльные платья, демонстрирующие все достоинства фигуры, сделали себе великолепные прически. И конечно, эти женщины не стояли скромно у стен. Алекс понял, что хотел бы увидеть Габриэлла без очков. Хотел бы посмотреть в ее большие карие глаза. Хотел бы любоваться ее полными губами с ярко-красной помадой.

И пусть он никогда не будет большим ценителем искусства, но всегда останется ценителем женских форм. Поэтому он просто хотел увидеть на Габриэлле более соблазнительные наряды. Вот и все.

Принцесса ни с кем не разговаривала, внимательно изучая картины на стене. Еще более сосредоточенно она рассматривала пол, плинтуса, обои... Она, казалось, была влюблена в этот дом.

Этого можно было ожидать. Здесь была ее родина.

Он должен был об этом подумать.

Семья принцессы была родом из Италии, а он жил в Америке. Но он никогда не чувствовал себя эмигрантом. Джованни часто рассказывал ему истории о том, как он приехал в США, как он проделал путь от самого низа до самых верхов, став одним из самых успешных людей в стране. Алекс любил Италию, но он не всегда мог там бывать. Хотя, конечно, Габриэлла могла приехать на Исола Д'Оро, но ей было бы очень сложно здесь, ведь ее семью изгнали.

— Алессандро Ди Сионе, верно?

Алекс повернулся и увидел красивую блондинку, смотрящую на него ярко-голубыми глазами. Самоуверенная, надменная... да, типичная легкомысленная пустышка. Но ему все же было бы интересно увидеть ее без одежды.

Мгновение Алекс изучал красавицу. Он был уверен в своей оценке размера ее груди: третий. А сквозь прозрачный бюстгальтер мог рассмотреть даже цвет ее сосков.

— Меня зовут Саманта, — сказала девушка. — Я слежу за вашими бизнес-подвигами с большим интересом.

— В самом деле? Возможно, вы могли бы рассказать мне об этих... подвигах. Я не так интересен себе, как окружающим.

Она звонко засмеялась:

— Я не знала, что вы шутник. По слухам, вы грозный и мрачный тип.

— У-у-у.

Девушка снова засмеялась.

Алекс бросил напряженный взгляд через комнату на Габриэлла, которая с большим интересом наблюдала за оживленным разговором между ним и Самантой. Принцесса замерла в напряженной позе.

Он не мог догадаться, о чем она думает. С Габриэлла было связано много вопросов без ответов.

— Действительно, мы должны провести вместе больше времени, чтобы узнать друг друга лучше, — промурлыкала Саманта, выгибаясь, как очень капризная кошка.

— Что именно привело вас на вечеринку? — спросил Алекс. Его не волновало, что она ответила. Он был слишком занят наблюдением за Габриэллой и совершенно не обращал внимания на изысканный флирт Саманты.

Странно, ведь в других обстоятельствах он с легкостью закрутил бы с этой красоткой интрижку. Но не сейчас. Возможно, маленькая ведьмочка в очках наложила на него заклятие. Он печально улыбнулся, смутно сознавая, что Саманта, вероятно, приняла эту улыбку на свой счет. Но, конечно, она предназначалась Габриэле.

Габриэлла открывалась ему постепенно, и он хотел бы разгадать ее.

Он встретился с ней взглядом, заметив, как она смущена.

Внезапно принцесса выбежала из зала.

— Извините, — сказал он Саманте. — Мне очень жаль. Мне надо идти.

Алекс поставил стакан на стол и направился за Габриэллой. Увидев ее в дальнем конце коридора, пошел туда же. Может быть, она просто направилась в туалетную комнату.

Алекс начал догадываться, что ошибся: она вовсе не скучная.

Но сейчас он был зол на нее. И с каждым шагом злость лишь усиливалась. Потому что он был Алессандро Ди Сионе. Он не из тех, кто преследует женщин в пустых коридорах. С другой стороны, он и за старинными картинами не охотился. Вообще, эта неделя была полна странных и необъяснимых событий.

Принцесса направилась в сад. Алекс молча шел за ней в темноте по гравийной дорожке. Интересно, знала ли она, куда держит путь, или просто шла куда глаза глядят, повинувшись безудержному инстинкту?

Габриэлла была соткана из противоречий.

Спокойная, но временами довольно взбалмошная и эксцентричная, рассудочная, но... чувственная, импульсивная. Ей нравились тактильные ощущения. Визуальные удовольствия.

Тропинка завернула на поляну, окруженную живой изгородью. В центре стояла каменная скамейка, и Алекс представил, что вокруг много цветов. Но было темно, поэтому он ничего не видел... кроме нее.

Габриэлла сидела на каменной скамье.

— Надеюсь, здесь найдется место для двоих, — сказал он, приблизившись.

— Что вы здесь делаете? — Вздрогнув, она обернулась.

— Наслаждаюсь ароматом роз, вы против?

— Просто... вы так были увлечены беседой с той девушкой, — сказала она.

— О да. Помните нашу дискуссию о красавицах-пустышках?

— Да.

— Саманта одна из них.

Габриэлла тихо засмеялась.

— Какая ужасная трагедия для нее. Но... по крайней мере, она красива.

— Думаю, да, — сказал он. — И ровно настолько же глупа.

— Не так уж это и страшно.

— Вы бы не продержались с ней и минуты.

— Вы так думаете?

— Да. Я уверен, что Саманта не увлекается генеалогией в свободное время.

— Это ее упущение. Но удивительно, что вы запомнили ее имя.

— Я говорил с ней целых пять минут. Не настолько же я эгоист, чтобы совсем не замечать людей.

— Просто мне показалось, вам очень скучно с ней.

— Да? Возможно, я просто отвлекся на ее... великолепный наряд.

— На ее грудь, вы хотели сказать?

Алекс рассмеялся.

— На всех вечеринках происходит одно и то же.

— Не всегда. Однажды я пошла на праздник в один средневековый замок. Там была часовня, и я решила ее осмотреть. Невероятное место... Оно проникнуто историей моей семьи. Я многое читала о нем в книгах, но в реальности все иначе... как-то обыденнее. Книги во многом лучше людей.

— Вы так думаете?

— Да. В них все определено, в то время как люди непредсказуемы.

— Я не согласен. Люди предсказуемы. Они хотят удовольствий, денег, власти. И они даже не понимают, что все это пустота. Поэтому я считаю людей слабыми.

— Слишком самоуверенно, — сказала разочарованно принцесса.

— Для меня все мирские наслаждения и правда бессмысленны. Впрочем, об этом я уже говорил. Так, значит, вы живете книгами?

— Можно и так сказать.

— Любовные романы?

— Как вы угадали?

— Просто предположил.

— Да. Все дело в главном герое. Как правило, он считает странную девушку интересной. Хочет узнать о ней больше. В реальности так не бывает. В реальности все довольно скучно.

— Понимаю. И все же вы не совсем правы. К примеру, мне было скучно с Самантой, хотя она и красавица. Но вы единственный человек в этом зале, который меня по-настоящему интересовал. Мне даже пришлось следить за вами, когда вы ушли, потому что я понятия не имел, куда вы направились. Люди мало меня удивляют, но у вас, Габриэлла, это получилось.

— Но я здесь вовсе не для того, чтобы удивить вас. Я просто должна найти картину. И я исполняю роль вашей помощницы и сталкиваюсь с такими ситуациями, что лучше бы мне съесть горсть пчел, чем продолжать поиски.

— Не ешьте пчел, это неприятно.

— Я не шучу. Еще... все дело в моей внешности. Команда стилистов может сделать меня привлекательной. Но сейчас мне совсем не хочется имитировать счастливую и красивую жизнь. Когда я надеваю костюм, крашусь и выхожу в свет, мне нечего бояться. Даже если будет недовольство публики, оно скорее коснется образа принцессы, но не меня лично. Сейчас же чувствую себя отвергнутой.

— Никто вас не отвергает. Это моя вина, что вы играете роль помощницы. Вас игнорируют только по этой причине.

— Виной всему мои комплексы. Я хочу быть незаметной, но не для всех. Хорошо, если бы когда-нибудь хоть один красивый мужчина решительно подошел на вечеринке прямо ко мне.

— Я не совсем уверен, действительно ли я красив, но... — Алекс сделал паузу, — но сегодня на вечеринке я побежал за вами. Понимайте это как хотите.

Они замолчали, и принцесса положила руку на скамейку. Несколько дюймов разделяли их пальцы.

— Зачем вы это сделали? — произнесла она тихо.

— Я мог бы пойти с Самантой, — сказал он. — Но остаться с вами для меня было важнее.

Алекс накрыл ее руку своей рукой.

— Вы непредсказуемы, — снова произнес он.

— Это... это комплимент?

Он пытался разобраться в ее словах, но больше наслаждался бархатной мягкостью ее руки.

— Зачем ты трогаешь мою руку? — спросила принцесса, неожиданно переходя на «ты».

— Потому что я так хочу. Какой смысл отказывать себе в том, что хочешь.

— Могу назвать много причин, — сказала она.

— Ну, я более стоек, чем мои родители. Страсть никогда не управляла мной, скорее я всегда опирался на здравый смысл.

— Сейчас нет никакой логики в том, что вы касаетесь моей руки.

Алекс продолжал нежно поглаживать ее руку.

— Да, вы меня раскусили... и пусть.

Алекс знал, что ничего большего за этими нежными прикосновениями последовать не может.

Он предпочитал жизнь четкую, лишённую каких бы то ни было эмоций и страстей. Он совершал сделки с равнозначными партнерами. Не захватывал и не банкротил компании. Не давал деньги на стартапы.

То же самое было с его сексуальными партнершами. Он не собирался соблазнять невинную девушку.

Он всю свою жизнь стремился стать лучше своих родителей. Чтобы извлечь урок из их ошибок.

И все же, несмотря ни на что, Алекс не убрал свою руку с руки Габриэллы.

— Я думаю, вы похожи на меня, — проговорила она мягко. — Вы считаете себя самым умным человеком на свете. Вы играете с людьми. Вы забавляетесь с ними. Вы делали это с Самантой там, в зале. Вы ведь все равно не пошли бы с ней, так?

— Угадали.

— Но вы позволили ей думать, что между вами что-то может быть, — мягко продолжила Габриэлла. — Сейчас вы прикасаетесь ко мне, и мы оба знаем, что вы никогда не...

Она не успела закончить фразу. Неожиданно Алекс прижался губами к ее губам. Она была такая теплая, такая мягкая... такая желанная.

Принцесса замерла, ее тело напряглось. Она не отвечала на поцелуй, а просто сидела не шелохнувшись.

Алекс отодвинулся от нее, его сердце бешено колотилось, а член стал твердым. Его очень давно так не возбуждал простой поцелуй.

Габриэлла даже не разжала губ.

— Я должен был ответить на заигрывание Саманты, — сказал он резко, задыхаясь. — Я мог бы провести с ней ночь. Но я этого не делаю. Я не хочу ее.

Он встал со скамейки, чтобы оказаться как можно дальше от принцессы.

— Но я точно знаю: сегодняшний вечер я хотел провести наедине с одинокой тихоней.

Глава 9

Алекс поцеловал ее. Это было единственное, что Габриэлла помнила о прошлой ночи: ее тело вновь пылало.

Это было единственное, о чем она могла думать и на следующий день, когда они отправились на экскурсию в конюшни.

Был теплый день, с моря дул ветерок. Однако принцесса накинула жакет, потому что Алекс сказал, что она должна выглядеть по-деловому.

Габриэлла все еще думала об их вчерашнем поцелуе.

Впереди шел один из подчиненных премьер-министра, который восхвалял зрителей и храбрых слуг, спасших всех лошадей во время пожара, случившегося сто лет назад.

— Как скучно, — шепнул Алекс, и его дыхание пощекотало ее ухо.

Принцесса едва заметно задрожала.

Она взглянула на Алекса, увидев блеск в его глазах, и быстро отвернулась.

Экскурсионная группа ушла вперед, и принцесса только сейчас заметила, что они сильно отстали. Алекс действовал, как и прошлой ночью: намеренно оторвался от группы, чтобы уединиться.

— Что мы делаем?

— Я же сказал вам, — ответил он, и его улыбка стала злой. — Мне скучно. В любом случае не нужно избегать друг друга. Вы моя помощница, Габи, а не принцесса из книжки, которая вынуждена охотиться за сокровищами с незнакомцем.

Габриэлла посмотрела на ушедшую вперед группу, а затем на Алекса, в его темные сверкающие глаза. В них искрились задор и возбуждение — и даже страсть.

Принцесса понимала, что совершает ошибку, не прерывая их зрительный контакт. Но она не могла отвести взгляд от Алекса.

— Картина, — пробормотала она хрипло.

— Здесь ее явно нет, — возразил он. — Я надеялся, что сегодня у нас будет экскурсия по дому.

— Ну, мы сами можем провести небольшое расследование.

— Я хотел бы сделать это именно сегодня. Я не знаю, где обитает хозяин в течение светового дня. Он не показывается на люди. Но как только заходит солнце и приходит время пить бренди, он снова появляется.

— Итак, вы думаете, мы должны искать ночью?

Он пожал плечами:

— Это снижает риск наткнуться на него в комнатах, так как мы знаем, что он общается с гостями. Но я чувствую, нам придется примерить на себя роли агентов секретной службы.

Я сказал, что готов заплатить за картину, но боюсь, что он не захочет расстаться с ней, поняв ее ценность. Деньги не проблема, но я могу ошибиться.

Габриэлла кивнула:

— Почему вам она так нужна?

— Потому что мой дедушка хочет, чтобы она у него была. А я у него в долгу, я уже говорил об этом. Он хочет — я сделаю так, что он это получит.

Принцесса изучала выражение его лица. Понятно, что его не интересует живопись. Он любил деда и действительно на все был готов ради него.

— Что эта картина значит для вашего деда? — спросила Габриэлла.

— Я точно не знаю. Но есть история... — Алекс отвернулся от принцессы. — Он всегда рассказывал нам эту историю, еще с детства. Дед приехал в Америку ни с чем. У него было лишь восемь сокровищ, дорогих его сердцу. Их пришлось продавать одно за другим на протяжении многих лет, чтобы уберечь себя от разорения. Это были предметы, которые властвовали над его сердцем. Я не знаю почему. Была ли причиной всему их баснословная цена или великолепие... или же они просто были дороги деду как память. Тем не менее эти восемь предметов были самым главным достоянием Джованни Ди Сионе.

— Картина — одно из них, — сказала она.

— Да. Я последний из внуков, которого дед отправил на поиски.

— Но я не понимаю, как он смог завладеть этой картиной.

— О, масса вариантов. Он мог купить ее на аукционе или у торговца. И конечно, ваша семья могла выкупить ее и привезти в этот дом на хранение. Сомневаюсь, что это так уж интересно.

Габриэлла допускала, что Джованни как-то связан с ее семьей.

— Или, — предположила она, — он был знаком с моей бабушкой.

— Я уверен, если ваша бабушка знала, кто я такой, она бы меня тут же выгнала.

— И чего бы добились этим? Вы могли бы предложить немного золота моей матери и получили бы нужную информацию.

— Правда. Но... Я знаю своего деда. Он хороший человек. Он воспитывал нас после смерти наших родителей. Я всегда любил проводить с ним время. Он лелеял своих внуков. Нам очень с ним повезло. Но я знаю, что его скоро не будет с нами. И вот почему...

— Вам нужна картина. — Принцесса посмотрела на ясное голубое небо, щурясь от солнца, а прохладный морской бриз трепал ее волосы. — Вы очень сильно любите деда.

Алекс помолчал.

— Он моя семья. Ради него я горы сверну.

Принцесса улыбнулась, стараясь не засмеяться, поскольку она знала, что ему это не понравится.

— Алессандро, у вас все-таки есть сердце.

Он удивленно выгнул бровь и взглянул на нее.

— Не говорите так громко. Нас могут слышать.

— Почему? Бойтесь разрушить репутацию монстра? У меня есть достаточно доказательств того, что вы вовсе не чудовище.

— Неужели? Например.

Она перевела дыхание и начала спускаться по тропе к усадьбе, через ряд изгородей, увитых ярко-розовыми цветками, похожими на маленькие взрывы на темно-зеленом фоне. Цветы приковали ее взгляд.

— Ну, с момента нашей встречи вы ни разу не извергали пламя.

— Я делал это незаметно для вас.

Она засмеялась.

— Ладно, а еще я не видела вас пожирающим сельских жителей. Не думаю, что кто-то из них пропал с тех пор, как мы прибыли на остров.

— Это потому, что я питаюсь только королевскими особами, — сказал он, бросая на нее весьма многозначительный взгляд.

Габриэлла вновь посмотрела на цветы.

— Кроме того, вы не спите в гробу.

Он нежно взял ее руку:

— Откуда вы знаете, где я сплю? Вы следили за мной?

Неожиданно волна тепла накрыла принцессу с головой, и она густо покраснела.

— Конечно нет. Тем более вы спите за балдахином, и я все равно вас не увидела бы.

— Может быть, там стоит мой гроб.

— Сомневаюсь.

— Ну вот, вы разгадали мою тайну. Я просто человек.

— Вы самоотверженный человек, готовый бросить свои дела ради помощи ближнему. У вас есть сердце и душа.

— Мое сердце тяжело как камень, а моя душа слегка обуглилась от прохождения сквозь жизненные пожары, но я полагаю, они все еще там.

— Вы не... — Она отвернулась от него, сожалея о сказанном, но остановиться уже не могла. — Вы не воспользовались мной прошлой ночью. Хотя могли бы. Хотели.

— Меня не интересует соблазнение неопытных девушек, — жестко произнес он.

О-о-о, конечно нет.

Внезапно Габриэлла все поняла.

Конечно, его не интересуют такие девушки, как она. Он не рассматривал ее как женщину. Она была очень молода, и он ясно дал это понять. Конечно, она тоже много раз намекала ему на возраст, но на самом деле он не казался ей старым.

— Я не считаю вас старым, — сказала она, вдруг почувствовав необходимость это уточнить.

— О, это великолепно. Думаю, пока рано беспокоиться по поводу моих пенсионных накоплений.

— Вам тридцать шесть?

— Да.

— Вот видите? Это даже еще не бальзаковский возраст.

Он рассмеялся.

— Вы кокетка. Вы знаете это?

Принцесса моргнула, ее сердце вдруг забилось быстрее. Глупое сердце: все равно Алексу она была безразлична.

— Я даже не пытаюсь кокетничать.

— Не сомневаюсь. Вы сама естественность.

— Вы можете отпустить мою руку? — тихо попросила она.

— А если я скажу, что не хочу?

— Тогда я спрошу вас почему. И еще напомню, что вряд ли из этого выйдет что-то хорошее.

Ее сердце колотилось так сильно, что она едва слышала свой голос.

— Вы правы. Нет смысла. Как я уже сказал, я не хочу испортить эту неделю ни одной девушке.

Она вырвала свою руку и продолжила путь.

— Кто сказал, что я девушка?

Габриэлла закрыла глаза на секунду, подставляя лицо солнцу, уголки ее губ слегка изогнулись в улыбке.

— Вам не нужно этого говорить, — произнес он. — Я почувствовал это через поцелуй.

Внутри ее все похолодело, она снова открыла глаза, улыбка исчезла с ее лица.

— Все было так ужасно?

Конечно, так и было.

— Вовсе нет. Просто у вас нет опыта, и конечно же я сразу это понял... по вкусу ваших нежных губ.

— Это просто смешно. Неопытность не имеет вкуса.

Алекс снова схватил принцессу за руку, повернул ее лицом, теснее прижимая к себе. Теперь ей показалось, что сердце вовсе остановилось. Алекс опустил голову, потом дотронулся до

краешка ее губ:

— На ваших губах вкус невинности и полевых цветов.

Он отпустил ее и отодвинулся, а она все еще с трудом могла дышать.

— Это потому, что для вас общение с такой, как я, в новинку, — промолвила она.

— Это потому, что вы не попробовали меня на вкус.

Принцесса почувствовала, как дрожь возбуждения пронизывает ее тело.

— Вы же не станете отрицать, что целовать меня вам понравилось?

Габриэлле было бы очень просто солгать. Все, что ей нужно было сделать, — открыть рот и сказать ему, что ей не нравилось его целовать. Но она чувствовала, что не произнесет ни слова лжи.

Ничего не ответив, она просто продолжала идти вперед.

Если Алекс и торжествовал, то никак не выдал своего ликования.

Но он первым нарушил молчание.

— Сегодня будет официальный прием, — сообщил он, — все наденут лучшие наряды.

Она тяжело вздохнула:

— Кроме меня. В самом деле, может быть, мне пропустить прием, я просто посижу в комнате для слуг и перекушу корочкой хлеба и кусочком сыра.

— Это слишком драматично. Думаю, что мы дадим вам немного свежего хлеба.

— Нет никаких причин идти туда. В самом деле, я бы лучше немного побродила по залам.

— Гостеприимство распространяется на нас обоих. И я не хочу разозлить хозяина.

— Вы хотите наладить с ним деловые контакты?

— Да. У меня есть возможность заключить выгодную сделку. Пожалуйста, поймите меня.

Сегодня бал-маскарад. Это означает, что все наденут маски, и вам даже не придется прятаться.

— Спасибо, — сказала она спокойно. — Я знаю, что такое бал-маскарад.

— Просто удостоверился.

— Есть еще проблема.

— Какая?

— Я оставила свое бальное платье и шикарную маску в другом чемодане.

— Я, конечно, не королевская особа, моя дорогая, но я миллиардер. Я мог бы приобрести белых тигров за пару часов, если бы захотел. Платье и маска — не проблема.

— А если я предпочитаю белых тигров?

— Ваша комната слишком мала для них.

— Они могут спать в моей кровати.

— Успокойтесь, не собираюсь дарить вам белых тигров. Не хочу вас баловать.

Она не могла сдержать смех.

— А если бы я отказалась идти на бал?

— Я бы пошел в вашу комнату и сыграл бы роль камердинера.

— Вы бы насильно надели на меня праздничный наряд?

— Признаюсь, я лучше умею раздевать женщин, а не одевать. Но я мог бы сделать исключение... для вас.

Габриэлла вновь вспыхнула и почему-то подумала о бабушке.

Когда-то ее сердце ранил такой человек, как Алекс. Сильный, красивый. Тот, с кем ей не суждено быть.

Мало того что Габриэлла не могла представить свое будущее с человеком, не верящим в любовь, она к тому же была принцессой. И даже если она не взойдет на трон, ей необходим брак.

Вряд ли у американского бизнесмена хорошая родословная. С этим ничего не поделаешь. Она моргнула, пытаясь обуздать свои фантазии.

— Вам не придется одевать меня, я сделаю это сама. Но сегодня нам нужно постараться и найти комнату, о которой говорила мне бабушка. Попробуем отыскать картину.

— Согласен с вами. Сегодня самое время поменять характер этого фарса, не так ли?

— Что вы имеете в виду?

— А вот что: мы заявили, что вы просто моя помощница. Никто не подозревает, что вы принцесса Габриэлла Д'Оро, и никто не имеет никаких оснований сомневаться в этом. Сегодня вечером вы наденете прекрасное платье, ваше лицо скроет маска и вы останетесь неузнанной. Когда мы сбежим вместе немного раньше, вряд ли это будет подозрительно.

— Что вы предлагаете?

— Сегодня вы будете играть роль моей любовницы, Габриэлла. Не будет никакого скандала, и мы с легкостью сможем уйти.

В горле у нее пересохло, а сердце колотилось так сильно, что она боялась, как бы оно не выскочило.

— Но я...

— Вы не знаете, как сыграть любовницу?

Щеки ее запылали.

— Я не беспокоюсь по этому поводу. Я могу справиться с вами, Алессандро.

— Видите ли, когда вы называете меня полным именем, я сразу понимаю: вы нервничаете.

— А когда вы говорите таким сухим тоном, я сразу понимаю, что вы юлите и скрытничаете. Возможно, это вам трудно будет сыграть моего любовника. Но не волнуйтесь, я буду в маске. Моя внешность не вызовет у вас отвращения.

— Разве поцелуй прошлой ночью не доказал, что я считаю вас привлекательной?

— Единственное, что поцелуй доказал прошлой ночью, — это то, что вы очень любите манипулировать людьми. Хотя, знаете... сегодня я готова сыграть роль вашей любовницы, Алекс. Но в реальности отношения между нами невозможны, помните об этом.

Переполненная яростью, она устремилась в особняк.

Глава 10

Алекс знал, что Габриэлла — принцесса. Но теперь он также знал, что она невероятно красива. Ее королевскую статью подчеркнула золотая маска. Он не мог не заметить, что в дизайнерском платье, подчеркивающим изгибы ее фигуры, она выглядела просто сногшибательно.

Правда, платье было более закрытым, чем хотелось бы Алексу. Но ее золотистые волосы струились по плечам. Как оказалось, она была намного более изящной, чем он мог представить.

Принцесса несмело шагнула вперед, тут же споткнувшись на высоких каблуках.

— Черт! — произнесла она, выпрямившись.

Алекс улыбнулся.

— Вы прекрасно выглядите! — В его комплименте не было ни слова лжи.

— Неужели.

Внутри у Алекса все сжалось, — конечно, принцесса не забыла обиду.

Габриэлла сильно отличалась от всех знакомых Алексу женщин. Пример родителей никак не повлиял на ее жизнь, она осталась чистой и невинной.

Алекс вдруг четко осознал: да, он хотел ее, но мог причинить ей только боль.

— Пойдем на бал, Золушка?

— Если я Золушка, то вы моя фея-крестная?

— Ни в коем случае. Феи все время что-то дарят своим крестникам. — Он улыбнулся. — Я не так бескорыстен.

— А что именно вы надеетесь получить взамен на ваши подарки?

— Я уже получил подарок: вы прекрасно выглядите, я люблюсь вами.

Габриэлла вновь покраснела, и Алекс заметил это.

— А вы... Вы похожи на Призрак оперы, — осторожно заметила она.

Он коснулся своей белой маски.

— В этом и суть.

— Конечно, вам недостает отвратительных шрамов.

— Мои шрамы носят метафорический характер.

Она хорошо держалась. На мгновение Алекс даже забыл, что они здесь для того, чтобы найти картину.

Время словно замедлилось.

— Предлагаю вам прямо сейчас заняться делом, — уверенно произнесла Габриэлла.

На этот раз она взяла его за руку. Алекс отчаянно пытался сосредоточиться, но все время думал лишь о нежной коже принцессы.

Они подошли к двери в бальный зал, и слуги открыли двери перед ними.

— Я чувствую, что должен поклониться, — сказал Алекс, шепча слова прямо в ухо принцессе. — Но в моем возрасте это опасно... боли в спине, знаете ли.

Она кинула на него насмешливый взгляд:

— Прекратите.

— Но это так весело.

Она закатила глаза, и он повел ее в бальный зал, где пары уже танцевали.

— Невероятно красиво, — восхитилась она, глядя на высокий расписной потолок и стены, витиевато украшенные светильниками и белоснежным молдингом.

Никакого интереса к нарядам других женщин. Конечно нет. Габриэлла предпочитала

искусство и архитектуру.

— Габи, — позвал принцессу Алекс, и, на удивление, она не ответила ему привычным раздражением. — Если вы будете продолжать с интересом рассматривать стены, а не меня, никто не поверит, что между нами что-то есть.

Он повел ее в глубь зала, в сторону танц-пола, и ее внимание опять сосредоточилось на стенах.

— Не вижу никакой проблемы, — сказала она, отвлекаясь.

— А я вижу.

Алекс выбрал момент, чтобы крепко обхватить ее руками. Ее внимание переключилось на него.

— Что мы делаем?

— Танцуем, — сказал он и повел ее в танце.

— Неужели? — согласилась она, положив руку ему на плечо.

Она стиснула пальцы в кулак, как будто боялась слишком тесно к нему прикасаться.

— Не забывайте, сегодня мы смотрим только друг на друга. Сегодня мы останемся здесь ненадолго и заставим всех поверить в то, что я не могу выдержать и секунды без вас.

Габриэлла напряглась.

— Мы и так сейчас с вами.

— Нет, я о другом.

— О чем же? — прошептала она, ее темные глаза были полны страха, любопытства и возбуждения.

— Мы ведь можем остаться наедине? Я заключу вас в объятия — и не будет пределов тому, что случится дальше.

Она шумно сглотнула.

— И что... все будут думать, что это произойдет?

— Да. К концу нашего танца никто не будет сомневаться, что в момент, когда останемся одни, мы будем заниматься отнюдь не обсуждением искусства.

Он притянул ее ближе. Мелодия изменилась, но он не отпустил ее, а продолжал медленно двигаться в такт музыке вместе с Габи.

— Но мы, — сказала она, — рассматриваем картины.

— Конечно, — сказал он, не отрывая глаз от нее. — Прикоснитесь к моему лицу, Габриэлла.

— Что?

— Я хочу, чтобы вы нежно коснулись моего лица. Я хочу, чтобы вы провели пальцами по щеке и подбородку и по моей груди...

— Зачем? — недоуменно спросила она.

— Так надо.

Сердце Алекса, казалось, забилося чаще.

Она подчинилась его приказу, хотя выражение ее лица оставалось испуганным. Мягкая кожа ладони касалась его лица, Алекс ощутил легкое прикосновение нежных пальцев... сначала к щеке, затем к подбородку и груди. Он был уверен, что она чувствовала его сердце, бившееся под ее ладонью.

Не сводя глаз с принцессы, Алекс медленно сплел ее пальцы со своими и, поднеся ее руку к своим губам, поцеловал.

— Вы очень хорошо владеете искусством флирта, Алекс. — Она провела рукой по его шее, поглаживая кожу. — Интересно, что могло бы произойти, если бы вы были... настоящим?

— Почему бы вам не заставить меня быть таким, Габриэлла?

— Скажите правду, — проговорила она, придвигаясь к нему. — Вы играете со мной с

момента нашей встречи. Итак, если вы хотите, чтобы я пошла на ваши условия, отбросьте все ваши ужимки хотя бы на одно мгновение.

— И что я получу взамен?

— Что захотите.

Алекс понимал, что Габриэлла не очень понимала, как сильно рискует. Он мог бы предложить ей передумать, но не сделал этого.

— Очень опасно говорить это такому ужасному человеку, как я.

— Я не сомневаюсь. — Принцесса твердо стояла на своем.

— Я хочу настоящего поцелуя, — признался он. — Уговор есть уговор.

— Хорошо, — сказала она, затаив дыхание.

— Вы прекрасны, — признался Алекс, не отводя взгляда от принцессы. Он держал ее за подбородок, не позволяя ей опустить глаза. — Вне зависимости от этого приключения, этой игры. И тот факт, что раньше вам никто не дал этого почувствовать, является преступлением, невообразимым в своей жестокости.

Она зажмурилась, расслабившись в его руках.

— Никто никогда не... никто никогда не говорил мне ничего подобного.

— Вчера вы явно разозлились. Я, кстати, тоже. Мы оба вели себя неправильно. Я причинил вам боль. Я не хотел, простите. Вы невероятно привлекательная юная особа. Но даже если я и не произношу это вслух, я хочу, чтобы вы знали: хотя мы сейчас играем на публику и я признался вам в том, что мне скучно по жизни, тем не менее, несмотря на все это, меня к вам влечет.

Габриэлла глубоко вздохнула, закрыв глаза от волнения. Она по-прежнему обнимала его за шею, потом встала на цыпочки и запечатлела поцелуй на его губах. Он был быстрым и коротким, но чувственным. Алекс был уверен, что она оставила не только красный след от помады, но и неизгладимый след в его душе.

— Теперь, — сказал он, — я думаю, пришло время сбежать.

Габриэлла вдруг поняла, что совершенно не может сопротивляться магнетическому обаянию Алекса. Под его взглядом, под влиянием его пыла она просто таяла. Конечно же она чувствовала, что тоже начинает ему нравиться.

Она еще никогда в своей жизни не переживала столь трогательного момента. Ее нежные прикосновения, его поцелуй... И все же она чувствовала себя как испуганная мышь в лапах не голодного, развлекающегося от скуки кота.

Да, сначала Габриэлле хотелось вести эту игру, самой соблазнить Алекса. Но красивые слова привлекательного мужчины тронули до глубины души, и ее план изменился. Поддавшись его чарам, она потеряла чувство самоконтроля... И сейчас это пугало ее больше всего.

Крыло дворца, в которое они прошли, было свободным от гостей и персонала. Все находилось в зале или в другой половине дома между кухней и банкетным залом.

— Пойдем со мной, — позвал Алекс, обхватив ее за талию и ведя к двойным дверям в конце коридора.

Она подчинилась, потому что ей и самой начинала нравиться эта игра. Тем более длиться она будет не долго: все закончится сегодня вечером.

Да, единственная попытка соблазнения мужчины потерпела крах.

От этой мысли ей захотелось заплакать. Прямо здесь, посреди коридора. Но она не могла себе позволить ни малейшего проявления слабости.

Она надеялась, что это займет всю ночь.

Они могли бы провести весь вечер, бродя по пустым залам, и было бы хорошо, если бы он ее не трогал. Было бы хорошо просто ходить рядом с ним.

«Все так просто? Несколько комплиментов, и ты готова растаять, как масло?»

Да. Так и есть.

Но самым странным был тот факт, что она узнала Алекса лучше. Была уверена, что там, в зале, Алекс был настоящим.

Он открыл одну из дверей и проскользнул внутрь, увлекая ее за собой.

— Интересно, здесь есть камеры наблюдения? — спросила она.

— Я не заметил, — сказал Алекс. — Поверьте, я посмотрел внимательно. У хозяина нет причин думать, что кто-то из гостей умыкнет какой-нибудь предмет искусства. А мы не собираемся брать те предметы, о которых он знает.

— Сказочная технология.

— Кстати, я хочу получить свой поцелуй, — заявил он, повернувшись к ней, и выражение его лица вдруг стало непроницаемым.

У нее перехватило дыхание.

— Я целовала вас, — сказала Габриэлла, — уже, я имею в виду.

— Вы поцеловали меня перед всеми гостями. Вы хотели, чтобы я был искренним, а я хочу настоящий поцелуй. Там, в зале, вы сделали это по необходимости... Теперь же я хочу, чтобы вы руководствовались своими истинными желаниями.

— Правда?

— Конечно... Хотя теперь я уверен, что поцелуй с самого начала был неизбежным.

Она неуверенно засмеялась.

— И в какой именно момент вы это поняли? Как только появились в доме моей бабушки, а я вышла к вам босиком и в очках?

Она хотела бы, чтобы это было правдой.

— Да.

— Это бессмыслица.

— Вы правы. В этой жизни вообще мало смысла. — Он первым приблизился, протянул руку и накрутил локон ее волос на палец. К тому же в мире множество обязательств, Габи. Но многими можно с легкостью пренебречь. Правда, не стоит забывать о том, что все, что мы делаем, должно быть правильным.

Габриэлла не знала, что считать правильным. И правильно ли то, что сейчас произойдет...

Она сделала резкий вдох, шагнув в его сторону и прижав руку к груди. Посмотрела в его глаза, темные и суровые, выражение его лица по-прежнему было скрыто маской. Ее пальцы смяли белый жесткий материал его рубашки, она наслаждалась ощущением его тепла, твердостью его мускулов.

Ее всегда интересовало, чем именно мужчина отличается от женщины. Теперь она начинала понимать, что, несмотря на множество различий, мужчины и женщины хотят одного: любви, нежности... страсти.

— Поцелуй меня, принцесса, — проговорил Алекс низким, напряженным голосом.

Она почувствовала триумф.

Она была той, что воспламенила в нем страсть.

Но Габриэлла совершила бы ошибку, если бы думала, что в этой игре один победитель и один проигравший. Правда, сейчас ее не волновало, кто победит...

Она не могла отказать ему. Алекс смотрел на нее как на женщину, а не как на неопытную девушку, все свое время посвящающую книгам. Он смотрел на нее так, словно она была солнцем, луной и всеми звездами, вместе взятыми. Яркой, манящей и привлекательной.

Возможно, сейчас, в данную минуту, она значила для него слишком много. И это иллюзия, которая обязательно станет ему очевидной потом... значительно позже. Потому что Габриэлла Д'Оро никогда никого не могла удержать. Ни родителей, ни тем более мужчину.

Но он смотрел на нее так, словно она что-то значила для него. Принцесса хотела вжаться в стену или раствориться в воздухе. И в тот же момент она хотела, чтобы их зрительный контакт не прекращался.

Медленно, так медленно, чтобы она могла насладиться удовольствием, приятными ощущениями от его тела под ее прикосновениями, она скользнула рукой вверх по его шее, чувствуя тепло его кожи, жесткость щетины.

Затем она провела рукой по подбородку, щеке.

— Я никогда прежде не касалась мужчины... так, — призналась она.

И ей не было стыдно за это признание, потому что его взгляд все еще был полон желания.

Он подошел к Габриэлле и накрыл ее руку своей. Она чувствовала, как сильно бьется его сердце, как напряжено его тело.

— Я касался очень многих женщин, — сказал он серьезным тоном. — Но сейчас это не важно.

Габриэлла поцеловала его.

Она закрыла глаза и подалась вперед, прижимая свои губы к его губам, а сердце билось в груди так бешено, что она едва могла дышать. У нее закружилась голова. Она чувствовала беспокойство. Она чувствовала возбуждение.

Его объятия возбуждали. Казалось, ничего не может быть естественнее, чем его будоражащие прикосновения.

Габриэлле было недостаточно одного лишь объятия. Она чувствовала, что одежда начинает мешать им обоим.

И все же все было неправильно.

Его возраст и опыт в сочетании с ее относительной молодостью и неопытностью.

Тринадцать лет. Тысячи миль. Бог знает, как много женщин у него было.

Их разделяла непреодолимая пропасть, которая сомкнулась, пока она стояла рядом с ним, вникая каждому его движению и вдоху.

Да, сейчас между ними абсолютно не было преград. Они оба сбивчиво дышали, желая лишь одного.

Она задрожала в ответ на прикосновение его губ и языка, обводившего их контур и просившегося внутрь.

Она не могла отказать Алексу. Не сейчас.

Алекс крепко обнял ее, скользя рукой по талии к ягодицам.

Весь ее мир был сосредоточен на моменте их близости. В его руках, его губах, его запахе. Каждом его вздохе. Она не помнила, зачем они пришли в эту комнату, помнила лишь поцелуй. Она забыла все, что было за пределами этого момента, этой комнаты... забыла все, что не было связано с этим великолепным мужчиной.

Наконец они медленно отстранились друг от друга.

Их поцелуй был таким естественным. Они оба тяжело дышали и едва скрывали дрожь возбуждения. Она прикоснулась к его щеке, почувствовав, как щетина царапает ее ладонь, она упивалась его видом. Она смотрела на него настоящего, без маски.

— Мы должны найти картину, — пробормотала принцесса растерянным голосом.

Ее губы горели и припухли, помада стерлась.

— Картину? Я и забыл, — сказал он, подняв уголки рта.

— Да, — ответила она сухим тоном. — Королева сказала, что картина в одной из комнат и только я могу открыть тайник...

— Ключ, — вспомнил он.

— Да. Оказывается, я умею хранить секреты. Видимо, потому, что не так уж много людей

разговаривали со мной за все эти годы.

Она скользнула рукой за вырез платья и выудила ожерелье, держа его прямо перед собой.

— Ключ, — произнес он, и его тон изменился.

— Да. Этим ключом мы откроем тайник. Бабушка сказала, что на картине изображена усадьба.

— Нам будет не так-то просто ее найти.

— Я знаю, — обронила она, приближаясь к дальней стене и изучая ее. — Кажется, там должны быть гуси, — бормотала она, продвигаясь вдоль ряда, рассматривая рамы, разыскивая что-то особенное. — Мне кажется, это не та комната. Моя бабушка описывала немного другую эпоху.

— Тогда давайте продолжим поиски, — предложил он.

Он взял ее за руку. Волна наслаждения окутала ее, в то время как он вывел ее из комнаты в холл. Алекс открыл еще одну дверь.

— Что здесь за картины? — спросил он.

Она взглянула на Алекса, ее сердце бешено колотилось из-за волнения, разряда возбуждения. В основном из-за близости Алекса.

— Городские пейзажи, — заметила она, — это не здесь.

Они прошли через комнату с портретами и еще через одну — с пляжными сценами. Наконец, они открыли дверь в помещение, где на стенах висели полотна со сценами из сельской жизни. Бледные, с румянцем на щеках дети с животными, соломенные крыши домов и... гуси.

— Она наверняка здесь, — сказала она, — я уверена. Так что теперь... мы просто должны выяснить, какая из них. Какая картина выглядит иначе, чем другие?

Алекс прищурился, оглядывая комнату. Затем он выпрямился, как будто его сознание озарила молния.

— Вот эта, — указал он.

Габриэлла повернулась, чтобы взглянуть. Он остановился перед картиной, изображающей усадьбу и молодую девушку. Он прижал палец к углу рамы.

— Что это? — спросила она.

— Здесь есть небольшой замок. Посмотрите.

Она приблизилась, ее рот непроизвольно открылся. Дрожащими пальцами Габриэлла снова достала ожерелье.

— Я думаю... я думаю, мы нашли ее, — сказала она.

Алекс отошел, и она шагнула вперед, вставила заднюю часть ожерелья в замок, толкая его внутрь. Рама отошла от стены на два дюйма, и Габриэлла застыла, опустив ожерелье.

На секунду она уставилась на изображение, потом посмотрела на Алекса.

— Ну, теперь я волнуюсь, — произнесла она.

Внутри у нее все сжалось, руки вспотели. Она была возбуждена и даже испытывала ужас. Если картина была там... кто знал, что произойдет дальше. Если ее продемонстрируют миру и возникнет общественный резонанс, для ее семьи это будет иметь катастрофические последствия. Она никогда не спасет семейную репутацию.

Но если ее там не было...

Она так долго думала о картине. Не знала, существовала ли она. Теперь они понимали, что она есть и, возможно, они ее увидят.

Алекс отодвинул картину и обнаружил глубоко в стене за ней большое полотно, покрытое мешковиной.

— Ох, — выдохнула принцесса, — неужели это именно то, что мы ищем?

Алекс стянул мешковину.

Да, перед ними была именно «Потерянная любовь». На картине изобразили женщину, сидящую перед туалетным столиком; она поправляла темные кудри, любуясь собой в зеркале. Она предстала обнаженной, а в отражении зеркала просматривалась грудь. Женщина сидела на подушке, демонстрируя весьма аппетитные формы.

— Вот почему... — Принцесса перевела дыхание. — Картина просто восхитительна. И в ней ни капли пошлости.

— Я склонен согласиться. К тому же мне нравятся женские формы.

Она повернулась, чтобы взглянуть на Алекса.

— Я имею в виду только то, что СМИ могли преподнести эту историю таким образом, что она нанесла бы ущерб репутации моей бабушки. Конечно... — Она оглянулась на картину. — Конечно, понятно, что она была близка с художником. И это не стандартный портрет. Ее титул не позволял ей позировать обнаженной. Плюс... еще кое-что... Здесь нечто большее, чем просто изображение модели художником. Ему явно нравилась эта женщина. Я чувствую это в каждом мазке. Здесь столько страсти.

Ее пальцы сами собой потянулись к углу картины, где были бледно написаны инициалы художника, Б. А.

— Или, — сказал Алекс, положив руки в карманы, — он просто очень хорошо выполнял свою работу.

— Здесь видны не только талант, но и явная симпатия, Алекс.

— Мне все равно. Моя задача — просто довести картину деду.

Габриэлла нахмурилась:

— Почему вы считаете, что у вашего деда прав на картину больше, чем у моей бабушки. Ведь это она на картине.

— Да, это так. Но мой дед владел полотном раньше. Он будет готов заплатить любую справедливую цену. Это предсмертная просьба моего деда, а не вашей бабушки.

— Мы вернем ее на Асеену. Она хочет увидеть ее.

— Я не могу отложить свои дела на неопределенный срок, — сказал Алекс.

Она посмотрела на него, но не смогла разгадать выражение его лица.

— Пожалуйста. Давайте вернем ее бабушке.

Алекс внимательно рассматривал Габриэлла несколько секунд. Затем он медленно кивнул, подошел к картине, протянул руку и провел вдоль края холста.

— Это очень красиво. На самом деле, — он повернулся к Габриэлле, — эта женщина немного напоминает мне вас. Она также очаровательная и... соблазнительная.

Принцессу обдало жаром.

— Я не вижу ничего подобного.

— Конечно, вы похожи. Она красива, ее формы довольно пышные. Эта картина — не просто изображение. Это признание в любви от преданного поклонника, которым явно был этот художник, — сказал он, его темные глаза встретились с ее глазами. — Поверьте мне, как мужчине.

— Ладно. Как мы собираемся вернуться обратно в наши апартаменты?

— Очень быстро, — сказал он.

Он взял картину и вновь накрыл ее мешковиной.

Принцесса шагнула вперед и заперла тайник.

— Если премьер-министр действительно понятия не имел, что эта картина была здесь, у него не будет никаких оснований полагать, что она не моя, — заметил Алекс. — Конечно, перемещение довольно большого холста по дому может вызвать подозрения. Сомневаюсь, что смогу убедить хозяина, будто взял картину на прогулку.

— Тогда нам лучше поторопиться, — заметила Габриэлла. — Все еще до сих пор находятся в зале.

— И благодаря щедрости премьер-министру Коллетти хорошо проводят время.

Они пошли к двойной двери, которая вела в коридор. Алекс приоткрыл ее и выглянул в холл, чтобы посмотреть, есть ли там кто-то.

— Чисто, — сказал он.

Габриэлла кивнула, и они оба выскользнули наружу, плотно закрыв за собой дверь галереи.

Ситуация обоим показалась смешной. Костюм Алекса слегка помят, они оба были в масках, и к тому же Алекс нес картину.

Если кто-то увидит их — подумает, что они просто слишком много выпили.

Они быстро шли по коридору, повернули налево и замерли. У стены стояла обнимающаяся парочка, которая занималась тем, чем должны были заниматься, по мнению гостей, удалившиеся из зала Алекс и Габи. Мужчина плотно прижал женщину к стене, он целовал и ласкал ее тело.

Габриэлла вспыхнула, волна возбуждения охватила ее.

Хотела ли она, чтобы Алекс был на месте этого мужчины, а она — на месте женщины? Чтобы он прижал ее к стене, чтобы так же настойчиво и страстно касался ее тела.

Только сейчас она поняла, как сдержанно вел себя Алекс до сих пор. Она была даже разочарована.

— Тихо, — прошептал Алекс, когда они проходили мимо влюбленной парочки.

Глаза женщины были закрыты, мужчина стоял спиной, поэтому Алекс и Габи прошли мимо них незамеченными. Они поспешили далее через безлюдные залы, больше никого не встретив. Наконец, они вошли в свои комнаты.

— Отлично, — сказал Алекс, плотно закрыв за ними дверь. — Я упакую картину, и, если кто-то будет досматривать мой багаж, я скажу, что приобрел ее в другом месте во время нашего путешествия. У них не будет оснований мне не поверить.

Габриэлла покачала головой и засмеялась:

— Я никогда, даже в самых смелых мечтах, не представляла себя в роли грабительницы.

— Разве картина принадлежит не вашей семье, Габриэлла?

— Думаю, принадлежит, — подтвердила она.

— Тогда вряд ли это ограбление.

— Тем не менее. Я сегодня сделала многое из того, чего никогда себе не позволила бы сделать.

Танцевала с привлекательным мужчиной. Целовала его. Получила от него комплимент.

Теперь этому конец. Конец всему. Ее не заботило, что сегодня она украла картину. Она жалела об окончании приключения.

— Я должен сказать то же самое, Габи, я не думал, что у нас и правда все получится.

В этот раз она даже не возмутилась, когда он назвал ее Габи. Никто не называл ее так... кроме Алекса. И она решила, что в этом что-то есть.

Она почувствовала, что все было особенным из-за его присутствия.

— Я рада, что вас все это позабавило.

Он рассмеялся:

— О, более чем.

Алекс снял маску, затем ослабил узел своего черного галстука. В этом что-то было. Этот распутный, взъерошенный вид, который заставил ее сердце биться быстрее. Она почувствовала слабость в ногах. Внутри у нее все сжалось.

— Мы уедем завтра, — сказал Алекс.

— Какую причину отъезда мы озвучим?

— Я скажу премьер-министру, что в Штатах возникли неотложные дела. В целом поездка и правда выдалась весьма успешной.

Габриэлла не смогла сдержать смех.

— Даже слишком успешной. Я все жду, когда на нас спустят охранников с собаками.

— Ничего подобного, я думаю. Похоже, эта картина не представляет ценности ни для кого, кроме моего деда и вашей бабушки.

Габриэлла зажмурилась, подумав еще раз о связи между Лючией и Джованни.

— Да. Все очень странно.

— Только если вам нравится все романтизировать. Мне — нет.

Она закатила глаза:

— Как удивительно.

Алекс остановился перед Габриэлкой, странное выражение появилось на его лице: он как будто изучал принцессу, словно впервые увидел ее. Он шагнул к ней, и у нее перехватило дыхание.

Алекс протянул руку, дотронулся до края маски принцессы и медленно ее приподнял. Он снял ее, и мягкого прикосновения его кожи оказалось достаточно, чтобы она вспыхнула.

— Очень красивая, — сказал он приглушенно.

Принцесса ждала, что он обнимет ее. Ждала, что он ее вновь поцелует. Но он этого не сделал. Он просто стоял, глядя на нее, не касаясь ее, не сокращая расстояния между ними.

Она хотела бы быть храброй. Достаточно храброй, чтобы коснуться его. Чтобы обнять его. Чтобы пережить еще раз то, что случилось в той пустой комнате.

— Спокойной ночи, Габриэлла, — вымолвил он наконец.

Его слова прервали ее мысли, украли у нее шанс на храбрость.

— Спокойной ночи, Алекс.

Габриэлла повернулась и пошла в свою спальню. Она чувствовала, что упустила нечто важное. Как будто она оставила позади очень важную часть себя.

Она едва сдерживала слезы.

Завтра они уедут. Они достигли цели. Завтра она вернется на Асеену и больше никогда не увидит Алекса.

Их побег с острова Исоло Д'Оро прошел гладко, они спокойно вернулись на Асеену.

Картина была у Алекса в руках, остальные сумки нес персонал. Габриэлла шла рядом с ним, одетая в простые брюки и блузку на пуговицах, она вновь надела свои большие очки. Но даже в таком образе он видел ее такой же, как вчера вечером. Она была привлекательна, красива, неотразима. Но казалась надменной, холодной и отстраненной.

— Мы должны отвезти картину моей бабушке, и чем быстрее, тем лучше, — говорила Габриэлла, и воодушевленный тон ее голоса вызвал у него странную грусть.

Она заботилась о людях. О пыльных книгах, истории, окружающих ее людях. Это причиняло ему боль. Он надеялся, что все еще мог чувствовать подобное. Он не испытывал таких эмоций с тех пор, как ему исполнилось одиннадцать лет.

Слуги проводили их в комнату, где королева пила утренний чай.

— Бабушка, — произнесла Габриэлла, и это слово прозвучало как молитва. Как будто Лючия была спасением Габриэллы, ее связью с реальным миром.

— Это она? — спросила Лючия, показывая на картину, которую держал Алекс.

Он кивнул.

— Можно? — попросила королева тихим голосом.

Он передал ей картину, стараясь не поворачивать ее лицевой частью. Он видел старую женщину, смотрел, как она положила кончики пальцев на картину, ее темные глаза наполнялись слезами.

— Я вижу, — произнесла королева дрожащим голосом, — я вижу, как сильно он любил меня. Это видно. Все еще.

— Кто? — спросила Габриэлла.

— Бартоло. Его звали Бартоло. Художник. И я... Я не смогла пожертвовать титулом из-за любви. Но я стара, Габриэлла. И я смотрю на картину и вижу, насколько глубоки были его чувства. А потом... потом мы в любом случае были выдворены с Исоло Д'Оро. Я каждый день задавала себе вопрос, оправдана ли моя жертва. Я вышла замуж по расчету. Я отказалась от любимого человека без титула. Ради чего? Ради трона, с которого нас свергли? Увидев картину снова... понимаю... он любил меня больше, чем я была этого достойна. А он не заслужил этого предательства.

Руки Габриэллы лежали на коленях, и она нервно заламывала их, как будто слова королевы вызывали у нее страдания.

— Бабушка, конечно, ты сделала то, что должна. Ты сделала то, что считала правильным.

Королева медленно и печально вздохнула.

— Возможно... но сейчас я бы сделала все по-другому.

— Я не хочу причинять вам боль, ваше высочество, — сказал Алекс. — Но...

— Но ваш дед хочет вернуть картину себе, — произнесла Лючия могильным тоном.

— Да. Мне всегда казалось, что в этой жизни его интересуют только деньги. Но когда он попросил меня найти картину, я понял, что не все потеряно... есть вещи, которые волнуют его гораздо сильнее.

Слеза скатилась по щеке королевы, и Алекс почувствовал смущение, лицемерие такое проявление эмоций, и тому был ряд причин. Он вдруг почувствовал неловкость оттого, что всю жизнь мало верил в искреннюю любовь и чувства. Сейчас он наблюдал перед собой такую глубину переживаний.

— Конечно, он может забрать ее, — промолвила Лючия, и ее слова тронули Алекса до глубины души.

— Я заплачу, сколько вы попросите, дед готов на все.

Королева снова положила руку на картину:

— Мне не нужны деньги. Я хочу, чтобы картина осталась у него.

Алекс встретил ее взгляд и медленно кивнул:

— Я отвезу ему картину.

Габриэлла посмотрела на Алекса, выражение ее лица было озабоченным.

— Он не собирается устроить скандал из-за нее?

Алекс покачал головой:

— Нет. Моему деду не интересны скандалы. Он довольно состоятелен.

— Вы должны остаться с нами сегодня вечером, Алекс, — предложила Лючия.

Его сердце словно пронзила иголка. Он не собирался оставаться, но отказать пожилой женщине было выше его сил.

— Как вам будет угодно.

— И у меня есть условие, касающееся картины.

Алекс напрягся:

— Слушаю вас.

Пожилая женщина кивнула:

— Габриэлла поедет с вами. Она поможет доставить картину в качестве официального представителя нашей семьи.

— Как вам будет угодно, — повторил он.

Он отчаянно хотел избежать встреч с Габриэлой. Избежать ее соблазнительных губ, ее нежных прикосновений. Ничего хорошего не получится из их взаимного влечения. Никогда. Они просто не смогут развивать отношения. Алекс хотел Габриэлу слишком сильно, но... если они будут проводить слишком много времени вместе, неизбежно окажутся в постели. И тогда принцесса перестанет быть невинной, что недопустимо.

И все же Алекс в очередной раз не смог отказать королеве.

— Конечно, — произнес он.

— Отлично, — сказала королева. — Я попрошу слуг показать вам вашу комнату. А я пока хотела бы поговорить с внучкой.

Габриэлла посмотрела на часы. Было около полуночи, но она до сих пор сидела в библиотеке. Она все время прокручивала в голове свой разговор с бабушкой.

Лючия говорила о былой любви, чести и о том, что долг, возможно, не должен определять все в жизни. О том, что ей все еще было больно. Когда она смотрела на картину, вспомнила свое прошлое, которое уже невозможно было изменить.

Габриэлле было странно слышать, как ее прагматичная бабушка говорит о любви. Они обсуждали чувства и отношения и раньше, но тогда тон Люции был скорее поучительным.

Теперь же она сказала, что эта картина заставила ее чувствовать себя наполненной. Она заставила ее понять, что никогда по-настоящему не жалела о своих чувствах к Бартоло.

В дополнение к этому нервы Габриэлы были немного напряжены из-за предстоящей поездки в Нью-Йорк. В основном из-за мыслей о том, что она поедет туда с Алексом.

Значит, их отношения, зародившиеся на Исоло Д'Оро, продолжатся. Они опять будут общаться, что станет для нее огромным испытанием.

Да, Габриэлла хотела быть с Алексом. Она хотела больше времени проводить с ним. Но она не была уверена, что они должны развивать отношения.

Ее чувства к нему были противоречивыми. С одной стороны, ей очень хотелось, чтобы они поскорее расстались, — все равно ни до чего хорошего это бы не довело. С другой, она жаждала остаться с ним наедине.

Иногда ей казалось, что их связь — всего лишь сон. Как будто они не знакомы, как будто не было той недели вместе на Исоло Д'Оро. Как будто он никогда не называл ее красивой, как будто они никогда не целовались...

Ей было больно осознавать, что все произошедшее между ними с Алексом для него ничего не значило.

Габриэлла растянулась на своей кушетке, подняв руки, ее ладони сжались в кулаки. Она посмотрела на книги и потерла глаза. Это были книги по истории искусства и культуры Исоло Д'Оро. Она думала, что реальные впечатления оказались гораздо более интересными. Габриэлла вновь возвращалась в поместье. Мысленно переносясь туда, стоя рядом с Алексом в лучах солнца. Сидя с ним в саду, купаясь в лунном свете, когда он склонялся к ней. Прикасался к ней.

Дверь в библиотеку открылась, и она вздрогнула.

На пороге стоял Алекс; он напомнил ей ожившего героя исторического романа.

На нем была белая рубашка с расстегнутым воротником, рукава закатаны до локтя. Его волосы выглядели так, будто он причесывал их пальцами. Он показался ей воплощенным совершенством.

— Я подумал, что найду тебя здесь, Габи, — объяснил он.

— Да, я люблю библиотеку.

Она сняла очки и потерла переносицу.

— Ты выглядишь усталой, — заметил он.

— Да. Но я не могу уснуть. Я не понимаю, как справлюсь со всем, что будет завтра. Нью-Йорк. Я никогда не была там.

— Я чувствую то же самое.

— Почему? Ты же так стремишься вернуться к своей реальной жизни, к делам.

— Нет, — сказал Алекс сухо. — Я думаю не только о работе... вернее, совсем не о ней.

— Тогда... о чем же ты думаешь? Или это секрет?

— Нет, не секрет. — Алекс пристально смотрел на Габриэлла. — Я очень хочу, чтобы ты поехала со мной.

Она кивнула:

— Да, наверное, так было бы правильно.

— Все время действовать по правилам — невероятно утомительно, — сказал он, пройдя в глубину комнаты и усаживаясь напротив нее. — И еще, это единственная вещь, которая отличает нас от наших родителей, не так ли?

Она молча кивнула.

— И я наконец должен прекратить ассоциировать себя с ними, — продолжил он твердым голосом.

— Ты совсем не похож на них, — возразила она.

— У меня есть сводный брат. Я узнал о нем, когда мне было одиннадцать. Мой отец имел любовницу.

— У моих родителей было много разных интрижек, — произнесла принцесса медленно.

— Измены — да, иногда они случаются. — Алекс как будто читал мысли Габриэллы. — Но ребенок... Моя мать была в ярости. Отец унизил ее. Опозорил. Продемонстрировал всем, что она нежеланна, нелюбима.

Габриэлла пыталась заставить себя улыбнуться.

— Моя мама выкрикивает подобные обвинения несколько раз на дню.

— Нет, у моих родителей все было иначе, — сказал Алекс. — Я слышал их препирательства. Это было на Рождество, снег падал вовсю. Снаружи дом был украшен иллюминацией. Как будто демонстрируя окружающим, что у нас нормальная семья. Счастливая семья. Но в нашем доме не было света. Не было никакого счастья. В общем, любовница моего отца привезла своего сына, почти моего ровесника. Ему было, может быть, десять. Эта женщина стояла в коридоре и кричала на моего отца, а сын был рядом с ней. Говорила, что он должен признать его. Мой отец отказался пойти на ее условия. Я посмотрел на этого мальчика, на своего брата. И мне стало бесконечно жаль его и себя. С тех пор, мне кажется, я не способен чувствовать, любить... сопереживать. А мои родители той ночью, после страшного скандала, разбились в странной аварии. С тех пор я никому не говорил, что у меня есть брат, Нейт.

— О, Алекс, какое ужасное бремя.

— Это ужасное бремя я возложил на него. На маленького мальчика. Но я был так зол, Габи. Я обвинял брата в смерти матери и отца. Из-за него они поссорились.

— Не кори себя, — сказала она, и в груди у нее все сжалось. — Ты был ребенком и не мог вести себя иначе.

Он покачал головой и опустил ее:

— Не таким уж и ребенком.

Когда Алекс рассказывал о своей семейной драме, Габриэлла забыла о его реальном возрасте; сейчас ей казалось, что перед ней маленький мальчик, нуждающийся в защите. Ей казалось, что она может видеть его таким, каким он был тогда. Храбрым и отчаянным. Отстаивающим честь своей семьи.

— Не стоит требовать от себя слишком многого, — сказала она тихо.

— Нейт имел право на эти деньги. Имел право прийти на похороны отца. Чтобы быть признанным. Я его лишил этого. Пока мы не стали нуждаться в нем. Когда моему деду понадобилась пересадка костного мозга, мне пришлось рассказать о Нейте. Он был единственной надеждой Джованни. Понимаешь? Я... Я не могу простить себя за это, Габи. Я не могу. Все мои поступки показывают, что, как бы я ни пытался измениться, я — сын своего отца. Человек, который использует других. Человек, который недолго думая заставляет других пройти сквозь ад для того, чтобы сохранить свой комфорт.

— Это неправда, Алекс.

Он сжал руку в кулак.

— Нет, это так. Есть причина, по которой я говорю тебе это.

— Почему же?

— Потому что я хочу, чтобы ты поняла. Мне нужно, чтобы ты осознавала, что я не святой, что мне не хватает сдержанности и я часто иду на поводу у своих инстинктов. Гены моего отца слишком сильны, и ничего нельзя исправить.

— Жизнь человека определяют не только гены, тебе не кажется?

— Разве?

— Ты сам сказал, что дед заботился о тебе. Твой отец — его сын.

— Моя мать тоже была полна пороков. Именно поэтому у нас... у нас ничего бы не получилось, Габриэлла.

Сердце Габриэллы громко стучало, и у нее закружилась голова. Алекс считал себя порочным и испорченным из-за поведения своих родителей. И именно поэтому ему так сложно с женщинами... так сложно с ней.

— Но как насчет того, чего хочу я?

— Ты не знаешь, чего хочешь.

Она моргнула:

— Конечно знаю. Я взрослая женщина, Алессандро. Ты не знаешь ничего о моих истинных желаниях.

Он встал с кресла и опустился перед ней на колени. Поднял руку и дотронулся большим пальцем до ее нижней губы. Она закрыла глаза, все ее внимание сосредоточилось на его медленном чувственном прикосновении.

— Габриэлла, у меня больше опыта, чем у тебя. Поверь мне, не стоит связываться со мной.

— Ты ошибаешься, — сказала она, покачав головой.

— Даже если я вновь поцелую тебя, это будет большой ошибкой.

Она открыла глаза и посмотрела на него. Морщины на лбу, глубокие складки избороздили его лицо. Без них он был бы слишком красив.

Она переживала. За него.

— Все грехи можно искупить, не так ли?

— Не все, Габи. Моя жизнь, мое детство — доказательство этому. Некоторые грехи наносят невосполнимый ущерб. Слишком глубокие раны никогда не заживают. Спроси об этом моего сводного брата. Я бы посоветовал спросить моих родителей, мою мать, но они мертвы.

— Но, Алекс... если мы оба хотим друг друга...

— Ты даже не знаешь, что значит хотеть, Габриэлла.

Принцесса едва не разрыдалась на глазах у Алекса.

— Это нечестно, Алекс. Ты не можешь говорить мне такое... Именно ты внушил мне уверенность в себе, заставил почувствовать себя желанной. И теперь ты говоришь мне о том, что я не знаю, как это — желать?

— Я уже причинил тебе боль. — Он с сожалением покачал головой. — Я не хочу делать это снова.

— Конечно, не стоит этого делать. — Она была на грани отчаяния.

— Я и не буду.

Габриэлла встала с кресла и села на пол рядом с ним. Взяла его руки в свои, наклонилась вперед, касаясь своими губами его.

— Что мешает тебе сейчас быть со мной? — спросила она, и ее губы касались его губ, пока она это произносила.

Он протянул руку к ее голове, запустил пальцы в волосы и наклонил голову назад, всматриваясь в нее своими темными глазами.

— Многое, Габи, — сказал он, и ее имя опять вызвало дрожь в ее теле. — Если бы не мое прошлое, то я бы поцеловал тебя гораздо более страстно, чем это сделала ты.

— Что еще? — спросила она, разжигая огонь желания. Но прошло время для сожалений.

— Я бы языком прошелся вдоль линии губ, прежде чем проникнуть внутрь. Я хотел бы попробовать тебя на вкус. Так глубоко и долго, что никто из нас не смог бы дышать. Вернее, мы оба просто не смогли бы дышать.

Габриэлла дрожала от возбуждения.

— Алекс, — шептала она.

— Я бы стянул твою футболку, чтобы с наслаждением рассматривать твоё тело, — продолжил он, положив свою ладонь на ее живот, и его прикосновение обожгло ее даже через одежду, — чтобы чувствовать нежность твоей кожи. — Одна его рука оставалась на ее животе, другая все еще перебирала ее волосы. — Потом я бы снял твой бюстгальтер. Рассмотрел твою красивую грудь. Она прекрасна. Ты восхитительна. Я уже много раз говорил тебе это, но мне нужно, чтобы ты поняла, что я не лгу. Это глубочайшая истина, в которой я уверен, Габриэлла. В твоей красоте. Она так же реальна, как ночное небо.

Слезы наполнили ее глаза, и она даже не попыталась стереть их.

— Я бы исследовал твою грудь языком, — продолжил Алекс, — прежде чем перейти к поцелуям живота. Затем я бы снял с тебя брюки, нижнее белье. Мгновение я бы просто... смотрел на тебя. Я бы боялся моргнуть из страха пропустить моменты красоты. Я хотел бы узнать тебя всю, дразнить тебя, прикасаться к тебе, пока ты дрожишь от наслаждения в моих руках.

Габриэлла закрыла глаза, находясь под чарами его прикосновения, сосредоточив все свое внимание на прекрасных ощущениях.

— А что дальше? — спросила она.

— О, моя дорогая, я своими ласками заставлю тебя отправиться к звездам. Я заставлю тебя кричать от удовольствия. Только тогда я войду в твое тело, медленно. Я буду максимально внимателен, насколько возможно. Но я боюсь, что не смогу быть так осторожен. Важно, что я заставлю тебя кричать от удовольствия.

Ее губы приоткрылись.

— Да, — выдохнула она.

— Это был бы рай, — хрипло прошептал он. — Чувствовать всю тебя. Ты была бы такой тугой, такой горячей и влажной. Ты была бы только моей.

— Конечно, — выдохнула она. — Только твоей, Алекс.

Ее сердце забилося так сильно, что она чуть не упала в обморок.

Вдруг Алекс отпустил ее, встал и отодвинулся как можно дальше. Он тяжело дышал, и по выпуклости на его брюках она видела, что он сильно возбужден. Было видно, что все сказанное им было правдой. Что он хотел ее с такой силой, которую не мог отрицать.

И она хотела его. Так сильно, что желание разливалось внутри нее. Бездонное, мучительное желание, которое только он мог удовлетворить.

— Мы не должны, Габи, — произнес он.

— Почему? — спросила она, испытывая боль.

— Потому что я уже совершил много тяжких грехов. Причинил боль слишком многим людям. Габриэлла, я не сделаю ничего такого, что может тебя ранить.

Габриэлла вдруг решила отпустить его. Именно сейчас, когда она так много узнала о нем. Правду о его прошлом, о его родителях.

Она смогла только кивнуть. Она ничего не сказала, только смотрела, как он повернулся и вышел из комнаты, а она осталась сидеть дрожа, вдруг почувствовав холод. Хотя еще несколько минут назад ей было жарко.

Габриэлла избегала общения с Алексом всю дорогу. Он вряд ли мог ее в этом винить. Он не знал, что и думать, — он слишком многое рассказал. Наверное, нужно было вести себя более сдержанно, ведь принцесса — невинная девушка.

Девушка, к которой он никогда больше не прикаснется.

Алекс понимал, почему она избегает встреч с ним. В самолете, потом в машине, когда она смотрела в окно на незнакомый город. А он видел только ее отражение в окне, не обращая внимания на привычную, ставшую для него обычной городскую архитектуру. Нью-Йорку не удалось увлечь его. Все очарование этого города он видел ее глазами. Они были широко раскрыты и блестели, изучая все вокруг, ее рот был слегка приоткрыт. Ее губы казались такими мягкими и соблазнительными. Он отдал бы большую часть своего состояния, чтобы снова поцеловать их.

Он продолжал думать о ее великолепных губах, когда они подъехали к его пентхаусу на Манхэттене. Как правило, после долгого отсутствия на работе он шел прямо в домашний кабинет заниматься делами. Но сегодня... сегодня не тот случай. Первое, что он сделал, когда они приехали, — разместил картину в гостиной, сделал шаг назад и рассмотрел ее впервые с тех пор, как они привезли ее с Исоло Д'Оро.

— Все так красиво! — воскликнула Габриэлла, рассматривая обстановку дома и бросая внимательный взгляд на картину. — Все это. Я не могу поверить, что я здесь.

— Да, — кивнул он.

Но он имел в виду вовсе не красивый городской пейзаж или свой пентхаус. Он имел в виду принцессу.

Алекс смотрел на картину, чтобы не смотреть на Габриэllu. Ему нельзя было с ней общаться, это могло повлечь за собой катастрофу. При беглом осмотре картины он сосредоточил внимание на женщине и поэтому не заметил окружающих ее предметов. Вдруг он отметил, что все вещи на туалетном столике были изображены очень точно и казались ему смутно знакомыми. На женщине было ожерелье, отражение которого немного проглядывало в зеркале. Из изумрудов и белых бриллиантов. На ее пальце, почти полностью закрытом темными прядями волос, виднелось кольцо. Там также была изображена красивая коробка с драгоценностями. И тиара, лежавшая рядом с прекрасным браслетом. У Алекса перехватило дыхание, и он сделал шаг ближе к полотну. На туалетном столике лежала книга.

Это означало, что...

Он переместился еще ближе, изучая поверхность стола. Да. Там были они. Небольшие серьги.

— Потерянные любовницы, — сказал он.

— Что? — удивилась Габриэлла.

— Это они все. Артефакты моего деда, которые мы, его внуки, искали. Они все на этой картине. Картина — последний из них.

Он повернулся и посмотрел на Габриэllu. Она глядела на него расширенными темными глазами.

— Что это значит?

— Это означает, что нам не показалось и глубокая связь между твоей бабушкой и моим дедом существует.

— Но картина... ее написал некто по имени Бартоло.

— Я знаю. Но есть что-то еще. Когда-то твоя бабушка владела всеми этими предметами. В свое время для моего деда это были самые дорогие сердцу вещи.

— Алекс...

В этот момент зазвонил телефон Алекса. На связи был его сводный брат Нейт. В последние годы отношения между ними были лучше, но они никогда не общались по душам. Алекса удивил звонок Нейта.

— Я должен ответить.

Габриэлла наблюдала за Алексом, как он выходил из комнаты с телефоном, прижатым к уху. Она странно чувствовала себя здесь, в его доме... непривычно. И все же ей было уютно. Конечно, он вышел из комнаты, чтобы ответить на звонок. Что лишний раз напомнило ей: у каждого из них своя жизнь.

Она оглянулась на картину, на этот раз внимательно рассматривая изображенные на ней объекты. Деда Алекса звали Джованни Ди Сионе. Насколько она знала, у него не было связи с королевской семьей. И с Исоло Д'Оро тоже.

Алекс возвратился в комнату одетым в темную куртку, его лицо выражало решимость.

— Я должен уехать. Скоро вернусь. Все продукты в холодильнике. И... алкоголь.

— У тебя нет библиотеки. Чем мне заняться? — чуть поддразнивая, спросила она.

— Придется посмотреть фильм, дорогая.

Габриэлла пыталась как-то занять себя, когда ушел Алекс. Но его не было уже больше четырех часов. Она немного подремала на диване. Чуть-чуть рассердилась и забеспокоилась. Она должна была спросить номер мобильного телефона. Так она могла бы по крайней мере убедиться, что он не лежит мертвый в каком-нибудь переулке.

И как только эта мысль засела у нее в голове, она больше не могла от нее избавиться.

Несомненно, Алекс лежит мертвым в переулке. Или если еще не умер, то наверняка истекает кровью на бетонном тротуаре.

От этой мысли все сжалось у нее внутри.

Она прошла по просторной гостиной, открыла дверь одной из спален и увидела большую кровать с черным покрывалом. Она нахмурилась: вряд ли комната принадлежала Алексу. Она открыла соседнюю дверь и увидела еще одну кровать, которая выглядела почти так же.

Габриэлла с досадой вздохнула и вошла в эту комнату, провела пальцами по постели. Она устала. Она не распаковывала свои вещи, так как не знала, в какой комнате ей предстоит остановиться. Переделалась в более удобную толстовку, так как не собиралась заниматься поисками своей пижамы.

Габриэлла сидела на краю кровати, прежде чем лечь, она слегка подпрыгнула на матрасе. Посмотрела на светящийся голубой циферблат, показывающий, что уже первый час ночи.

Ей в голову вдруг пришла мысль еще более тревожная, чем думы об Алексе, умирающем в переулке. Возможно, он был с женщиной. Иначе зачем ему отсутствовать ночью? Или он просто не хотел возвращаться к себе домой, потому что здесь была она.

Нет, и все же единственная причина, по которой, по ее мнению, человек мог не ночевать дома, — то, что он провел ночь с любовницей.

Да, и с этой женщиной он мог делать то, чего не захотел сделать с Габриэлкой. Воплощая в жизнь то, о чем он так чувственно рассказывал ей. Как будто плетя паутину фантазий, созданную из желаний, возникших из самых глубин ее души. Нереализованных желаний, которыми она была одержима.

Она ненавидела ту женщину, кем бы она ни была. Женщину, которая хотела полностью завладеть вниманием Алекса, заполучить его всего.

Принцесса понимала, что ревность сжигает изнутри. Обдаёт кипятком. Ранит ее, делает беспокойной и злой. Она никогда не ревновала никого раньше.

Она была слишком занята своим внутренним миром, похоронив себя среди пыльных книг: там, в библиотеке, вдали от реальной жизни, реальных отношений и чувств, ей было комфортно и безопасно.

Все, что она сказала Алексу, было правдой. Ее родители действительно не любили ее, мало проводили с ней времени. Она не чувствовала себя нужной и любимой дочерью.

Она тяжело сглотнула и плотно прижала колени к груди.

Следующее, что она услышала, — тяжелые шаги в комнате. Она резко открыла глаза и посмотрела на часы. Было больше трех часов ночи.

Она встала с кровати.

— Алекс? — позвала она, и ее сердце сильно застучало.

— Габриэлла? — Ее имя в его устах прозвучало странно. Как будто он был убежден, что она — привидение.

— Да. Это твоя комната? Я должна была выяснить раньше, но я не хотела... — Она не смогла закончить предложение.

Не могла сказать ему, что какая-то часть ее надеялась, что это была его комната. Что она хотела встретить его там. Недальновидно. Главным образом потому, что она все еще была одета в толстовку и вряд ли соблазнительно в ней выглядела.

— Ты спала, — сказал он.

— Да. Я уснула, ожидая, что ты вернешься. Я думала, ты погиб. Но... Ты был с женщиной?

Он тяжело вздохнул и сел на край кровати.

— Нет. Тебя бы беспокоило, если бы я отправился к любовнице?

— Это глупый вопрос. Конечно, я беспокоюсь. — Она не видела смысла разыгрывать скромность. Она была сонная, капризная и совершенно не хотела что-то изображать.

Он лег рядом, и у нее перехватило дыхание. Между ними было много места, и все же его близость как никогда будоражила принцессу.

— Это был мой брат. Мой сводный брат Нейт. Я рассказывал о нем.

— Да, я помню.

— Он нашел кольцо. На нем надпись Б. А.

— Бартоло, — догадалась она.

— Наверное. Такая же, как и на картине, Габриэлла. Серьги принадлежали ему. Но есть еще кое-что. Я знаю, что мой дед, приехав в Америку, начал жизнь сначала. И мне интересно, как так получилось.

— Ты думаешь, что он был любовником моей бабушки?

Это было похоже на правду. Во-первых, как еще на картине могли появиться все те сокровища, которые искал дед Алекса. Во-вторых, королева хотела, чтобы именно Джованни владел картиной.

— Она знает, — предположила Габриэлла. — Она все поняла раньше нас.

Габриэлла вспомнила, как бабушка посмотрела на Алекса, когда он впервые вошел в их особняк на Асеене.

— Держу пари, ты похож на деда. — Она не видела его, так как смотрела сквозь тьму и едва могла разглядеть его силуэт на фоне темного покрывала. — Имею в виду, на него в молодости.

— Я догадываюсь, почему она разрешила мне увезти картину. Мой дед... — Внезапно к горлу Алекса подступил комок. — Художник...

— Бартоло... он очень любил ее. Я знаю. Это видно. Его убило расставание с ней.

— Не совсем. Он до сих пор живет всех живых. Наверное, он думает, что, если увидит все

артефакты, прежняя сила вернется к нему.

— Он нуждается не в самих вещах. Наверное, ему важны именно воспоминания о прошлом, счастливые воспоминания, — задумчиво сказала она.

— Ты права. — Алекс протянул к ней руку и стал медленно рисовать кончиками пальцев на ее щеке.

Она закрыла глаза и пыталась бороться со слезами, которые готовы были пролиться.

— Это трагедия, Алекс. Просто представь, как сильно они любили друг друга все эти годы...

Габриэлла увидела вдруг перед собой всю свою жизнь. Безрадостную и одинокую. Она поняла, что никогда не смогла бы выйти замуж за человека, который не разжигает в ней страсть. И ей совершенно не важно было бы социальное положение будущего мужа или его любовь к искусству и книгам.

Для нее существует только Алекс. Теперь она поняла это отчетливо.

Она вспомнила, как ее бабушка говорила о Джованни, — Габриэлла была уверена, что Джованни и Бартоло были одним и тем же лицом, — о том, что независимо от перенесенных страданий она никогда не сожалела о времени, проведенном вместе, и воспоминания заставляют ее трепетать. Но Габриэлла не знала, достаточно ли у нее сил, чтобы испытать тот же опыт, что когда-то испытала ее бабушка, — опыт любовных потерь и разочарований.

Она всю жизнь избегала трагедий и страданий. И в этом заключался ее эгоизм. Ее родители тоже были эгоистами, хотя, наверное, они по-своему любили ее.

Вдруг она все поняла о них. Конечно, было время, когда мать целовала ее на ночь, перед тем как уйти на вечеринку, но этот жест был пустым. И теперь, когда Габриэлла была взрослой, ее родители никогда не говорили с ней по душам. Минуты общения с ними не казались ей теперь мгновениями счастья.

Алекс тоже был эгоистом — так думал он сам и таким пытался показаться всем остальным.

Но... он был интересен ей. Она хотела обнять его. Хотела дотянуться до той глубины, где билось его сердце. Хотела согреть его изнутри, дать необходимое тепло и уверенность в том, что его любят, что он нужен.

В конечном счете она просто хотела получить все то, что он обещал ей в библиотеке.

Она потянулась к нему, проводя рукой по его щеке.

— Габриэлла, — предупредительно прорычал он.

Она не слушала его.

Она наклонилась вперед, целуя его требовательно и настойчиво.

Она понимала, что, наверное, делает все не очень умело и что Алекс разгадает ее неопытность, но сейчас ей было все равно. Поэтому, когда прошлась языком по его губам, она просто скопировала его действия. Но если он это понял, то не подал виду. Он все еще был неподвижен под ее прикосновениями. Но и не отталкивал ее.

Они отстранились друг от друга, ее рука все еще лежала на его щеке. Прерывистое дыхание заполняло пространство между ними.

— Габриэлла, — повторил Алекс. — Ты не представляешь, чего просишь. Понятия не имеешь, что делаешь.

Она нежно прижалась к нему лбом.

— Я хочу заняться любовью. Я знаю, что это, Алекс. Секс. Я никогда не хотела близости раньше.

— Я не могу ничего тебе предложить. Я не могу давать обещаний, так как могу их лишь нарушать.

— Мы не знаем ничего, кроме того, что происходит прямо сейчас. Я видела лицо моей

бабушки. Я знаю, что она о многом сожалеет. Но я не думаю, что она пожалела о связи с Бартоло. — Габриэлла знала, что эти слова были равносильны признанию в любви.

— Я худший из грешников. Я обрек сводного брата на жизнь вне семьи. Я стоял на его пути.

Заставил его почувствовать, что он никогда не будет нам близок. Он сказал мне это сегодня вечером. Этот грех на мне, Габриэлла.

— Алекс...

— Во мне кровь моего отца. Я много работал, чтобы преодолеть эгоизм. Верь мне, когда я говорю, что не буду жалеть о сегодняшней ночи. Мое благородство лишь маска. Но ты, Габриэлла, ты обязательно пожалеешь о нашей связи.

— Может быть. Завтра. Но не сейчас. Единственное, что у нас есть сейчас, — это ночь.

Дикий звук вырвался из груди Алекса, и он оказался над ней, а его руки — по обе стороны от ее плеч.

Она положила свою ногу на него сверху, чтобы удержать его, хотя вряд ли ей это бы удалось. Все равно, он должен был знать, что она хотела его. Отчаянно.

— Алекс, — сказала она, его имя прозвучало как молитва. Она захватила его лицо руками, глядя на него, пытаясь увидеть, что он думает, даже сквозь тьму. — Разве ты не знаешь, как сильно я тебя хочу?

Он напрягся, слегка отстраняясь от нее. Ее сердце бешено стучало.

— Алекс, — произнесла она снова, готовая умолять. Если понадобится.

Он включил свет.

— Если я буду грешить, то собираюсь делать это с открытыми глазами, — сказал он. — Если я собираюсь заняться любовью, то хочу смотреть на тебя.

Она облегченно вздохнула, ее руки скользнули по его шее.

— Я рада.

— О, поверь, ты не обрадуешься. Габриэлла, я слишком стар для тебя, слишком измучен, слишком устал. Я не могу ничего тебе предложить. Это странно звучит. Я миллиардер. У меня денег больше, чем я мог бы потратить за всю жизнь. У меня все есть. И многие годы этого было достаточно. Я общался с теми, с кем хотел и когда хотел. У меня был полный контроль над своей репутацией. Я пользовался ею, когда мне нужно. Но сейчас... все это не имеет никакого смысла сейчас.

— Ты сам... только ты сам сейчас важен мне.

— Тогда держись.

Алекс опустил голову, целуя ее глубже, сильнее, чем раньше. Беспокойная дрожь распространилась по всему ее телу, как стелющаяся лоза, покрывающая все на своем пути. Привязанность ее к Алексу была настолько сильной, что расставание с ним было бы намного более болезненным, чем она представляла.

Но она не остановится.

На этот раз его прикосновения были более уверенными и настойчивыми. Он не просто трогал ее живот. Он позволил себе исследовать ее тело, его пальцы скользили по груди, он крепко сжал ее, скользя большим пальцем по затвердевшему соску. Она охнула, выгибаясь ему навстречу, ее тело ожило от новых ощущений.

— Этот подарок я не заслужил, — произнес он хрипло.

Габриэлла не могла говорить, но, если бы могла, она бы сказала ему, что это она получает подарок. Так много лет она провела в одиночестве, в заточении. Он избавил ее от пустоты внутри нее. Она пряталась от мира, чтобы ненароком не быть обиженной. Чтобы избежать отказов. Пренебрежения ее родителей было достаточно, чтобы навсегда отказаться от любви и чувств. И когда она стала взрослой, то надела маску равнодушия и безразличия. И прежде всего

она утратила полный интерес к себе, проживая жизни героев книг. Но Алекс видел ее настоящую.

Он прикасался к ней. Уделял все внимание, всю заботу ей.

Он был так красив, что она едва могла дышать.

Он снял с нее футболку, обнажив грудь. Она сняла с себя бюстгалтер, перед тем как надеть толстовку, и теперь чувствовала облегчение. Одним барьером меньше между ними. Она не хотела, чтобы между ними были преграды. Она хотела отдать ему все: свое тело, свою душу — не важно, как глупо это выглядело.

Да, после этой ночи они могут расстаться навсегда, и тогда она будет чувствовать себя ужасно.

Но когда она состарится, она оглянется назад и вспомнит этот чудесный момент. Вспомнит Алекса. И она знала, без сомнения, что никогда не будет сожалеть о чистой и настоящей любви.

Габриэлла понятия не имела, как все произошло... Прошла всего неделя, но она чувствовала в себе невероятные изменения.

Она стала другой. Алекс изменил мир для нее. Приоткрыл завесу, чтобы она могла видеть цвета более четко, чувствовать удовольствия более ярко, испытывать желание острое, как лезвие ножа, скользящее по ее коже.

Это сочетание чувств было болезненным, возбуждающим и волшебным одновременно.

Он быстро снял с нее штаны и нижнее белье, оставив ее совершенно голой, его темный взгляд наполнился голодом, желанием, в котором не могло быть отказано, так как ее тело уже попало в его прицел.

— Габи, — сказал он, произнося ее имя как молитву. — Я никогда не думал, что умею ценить искусство. Но ты... Ты красива каждой своей частичкой, и художник едва ли сможет передать это на холсте.

Ее сердце было переполнено самыми невероятными чувствами, ей казалось, оно может лопнуть. Как все происходящее может быть реальностью?

— Мне нужно видеть тебя, — сказала она и едва узнала свой голос, прозвучавший как хриплый шепот.

— Пока нет, — ответил он. — Пока нет.

Он опустил голову, целуя ее шею, ложбинку вдоль ее ключицы, грудь... Затем он взял сосок губами, всасывая глубоко, трогая кончиком языка. Удовольствие, льющееся по ее венам, было шокирующим, раскаленно-белым и почти страшным по своей интенсивности. В движениях Алекса было гораздо больше любви, чем простой ласки, и все это чуть не спалило ее дотла. Как она вообще выживет?

Она не сможет.

Он продолжал исследовать ее тело, осыпая поцелуями ее живот, обводя ее пупок мягкими движениями языка, прежде чем опуститься ниже.

— Видишь ли, дорогая, если я сниму одежду, я не смогу долго противостоять тебе. Ты заслуживаешь большего. Ты заслуживаешь того, чтобы я уделил тебе больше времени. Когда буду глубоко внутри тебя, я не смогу сдерживаться. Итак, твое удовольствие должно быть на первом месте.

Он овладел ее бедрами, разводя их в стороны, и прижался губами к центру притяжения. Короткий потрясенный крик вырвался у принцессы, в то время как он ласкал языком чувствительный клитор, вкушал ее медленно, глубоко. Он снова переместился, и его палец проник в ее лоно, в то время как язык продолжал доставлять удовольствие. Вторжение было болезненным, но все же приятным.

Вскоре она привыкла к этому, удовольствие окрепло в ней снова, и он установил

устойчивый ритм, работая руками и языком в такт. Она чувствовала, что жаждет большего. Волны возбуждения по ее телу и их интенсивность нарастали. Она схватила покрывало, не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями, пытаясь за что-то удержаться на этой земле. Она боялась полностью потерять самоконтроль.

Алекс навис над ней, глубоко поцеловал ее, и она ощутила собственный мускусный вкус желания на его языке.

— Все хорошо? — спросил Алекс, часто дыша.

— Да. Более чем хорошо. Я... Алекс, я не знала, что это будет так.

— А как, по-твоему, все должно было быть? — произнес он хрипло.

— Я не знала, что... все произойдет с тобой.

— Тебе и правда важно, что первый раз у тебя именно со мной?

За этим вопросом она почувствовала боль, уязвимость.

— Это единственное, что имеет значение.

Алекс зарычал, снова целуя ее, а она схватила края рубашки, расстегивая пуговицы как можно быстрее. Она обвела руками его широкую грудь. Его жесткие мышцы... волосы на груди, что напомнило ей: перед ней был мужчина. И они были очень разными. Она с наслаждением коснулась его. Наконец-то это прекрасное тело в ее руках. Она сняла рубашку с его плеч и швырнула на край кровати, потом провела руками по спине, исследуя его крепкую мускулатуру.

Габриэлла развела бедра в стороны, выгнувшись к нему, чувствуя доказательство его возбуждения. Ее лоно сильно увлажнилось. Ей не хватило того наслаждения, которое она только что пережила.

— Я хочу тебя. Как я могу так сильно тебя хотеть после всего, что было? — спросила она дрожащим голосом.

— Я хотел сказать тебе, что это и есть секс, дорогая. Обычно я могу сдерживать порывы страсти, но только не с тобой. Ты заставляешь меня чувствовать себя так, что я не могу дышать... Это колдовство, Габриэлла? Ты должна мне рассказать.

— Как я могу так тебя возбуждать? Я всего лишь неопытная, наивная мечтательница. Ты должен быть мудрым. Я надеялась, что всему меня научишь именно ты.

— Как я могу? Когда я чувствую, что у тебя многому можно поучиться.

Он поцеловал ее нежно и переместил свои руки на пояс брюк. Она слышала, как он медленно снял брюки и нижнее белье и бросил вещи к остальной одежде. Она могла чувствовать, насколько твердым был его член.

— Я хочу видеть тебя, — сказала она хриплым голосом, который сама не могла узнать. — Я никогда прежде не видела голого мужчину.

Он выпрямился, и принцесса даже смогла разглядеть, что он покраснел.

— Так много наград, я не заслуживаю этого, принцесса.

Его тон был печальным, и в любое другое время она, возможно, почувствовала бы участие и сострадание. Но сейчас — нет.

Он был совершенен. Скульптуры мужских тел не смогли подготовить ее к восприятию красоты Алекса.

Мрамор был холодным, безжизненным. Он мог передать форму, но в нем не было жизни. Его чувственности, его силы. Его широкие плечи, покатаая грудь и плоский живот с кубиками, посередине — линия волос, спускавшаяся к твердому члену.

Он был очень... большой. Толстый. Принцесса испытывала страх и восхищение одновременно.

— Ты прав, — сказала она тихо.

— В чем?

— Ты обладаешь необузданной мужественностью.

Он засмеялся.

— Я только надеюсь, что она не окажется для тебя чересчур свирепой.

— Для меня это просто идеально. Как может быть иначе?

Он устроился между ее бедер, положив руки ей на плечи. Она смотрела на него, ее сердце сильно колотилось.

— Ты красив, — произнесла она.

— А я тебя не заслуживаю, — сказал он, целуя ее, обнимая за талию и пытаясь медленно войти в нее.

Габриэлла слегка поморщилась, напрягаясь из-за такого вторжения. Было больно. Но она хотела этого. Без сомнений. Даже когда он вошел глубже, она вытянулась под ним, ее била дрожь оттого, что их тела соединились, и она не желала ничего так сильно. Это желание так совершенно и прекрасно исполнялось, было полным воплощением ее фантазий. Они были вместе. Одним целым.

Когда он проник глубоко внутрь, боль стала сильнее.

Но ее душа чувствовала себя живой. Наполненной. Впервые в жизни.

И когда боль потихоньку прошла, а удовольствие стало постепенно нарастать, она почувствовала себя так прекрасно, что едва могла дышать.

Желание внутри ее было диким, необузданным. Она хотела, чтобы Алексу тоже все понравилось.

Она хотела удовлетворить его. Но в то же время она мечтала, чтобы их близость продолжалась вечно. Хотела продлить удовольствие, прежде чем достигнет пика наслаждения. Потому что как только это случится, наступит конец... конец их отношений. Желание продлить удовольствие боролось с нарастающей волной сумасшедшего возбуждения. Свирепого, интенсивного. Она не знала, что можно испытывать такие невероятные эмоции.

— Габи, — произнес он ее имя. Только ее имя.

Габи всегда будет принадлежать ему. Только ему. Сама идея, что кто-то другой будет называть ее так, причиняла ей боль.

Его зубы царапали ее ключицу, небольшая боль, смешанная с удовольствием, возвращала на землю: казалось, она словно видела все со стороны. Наблюдала, как прекрасна гармония их тел. Как он получал удовольствие вместе с ней. Чувствовала, как близок он был к финалу, как напряглись его мышцы, контролируя процесс.

Она открыла глаза, решив посмотреть на его лицо. Взглянуть на мужчину, у которого было все, чего не было у нее. Жизненный опыт, впечатления, мудрость.

Принцесса Габриэлла Д'Оро, последняя девственница и книжный червь, встретила с Алессандро Ди Сионе, по слухам, страшным чудовищем, имевшим, как он утверждал, жестокое сердце. Они не только встретились, но и сразу же стали понимать друг друга. Говорить на одном языке, понятном только им. Как она могла думать, что они были разными? Как она могла видеть между ними пропасть, через которую нельзя перекинуть мост? Этого не было. Сейчас, в этот момент она была ближе к нему, чем к кому бы то ни было в своей жизни.

— Алекс, — сказала она, выгибая тело ему навстречу. На нее будто обрушился искристый шквал, волны удовольствия были подобны электрическому шторму с грозовыми разрядами, ослепляющими своим блеском.

На мгновение она закрыла глаза. Затем заставила себя снова их открыть, чтобы увидеть его лицо, когда он тоже достигнет пика наслаждения. Его лицо, будто высеченное из гранита, сейчас смягчилось, изменились контуры морщин на лбу, выражение чистой боли и отчаяния искривило его черты. Он зарычал, все его тело сотрясилось, когда он извергся в нее. Она держала Алекса,

пока его продолжали сотрясать волны наслаждения. Они были этим связаны. Этим наслаждением. Этим моментом.

Когда все закончилось, они просто лежали в объятиях друг друга. Дышали вместе.

Габриэлла знала, что он позже будет сожалеть о случившемся. Потому что вне зависимости от того, что Алекс сказал о себе, он не был монстром. Ей было интересно, почему он так отчаянно пытался убедить в этом не только других, но и себя.

Она знала о его страхе стать похожим на своего отца. Изучила его достаточно, чтобы понимать это. Но она также была уверена, что он никогда таким не будет.

Он совершал ошибки, но тогда он был совсем маленьким. Да, пусть она сделала гораздо меньше ошибок. Но только потому, что взаимодействовала с меньшим количеством людей. Жить не трудно, когда прячешься от жизни. А она пряталась.

Алекс видел в себе лишь монстра и заставлял других увидеть то же самое.

Она знала его лучше.

На самом деле он заботился обо всех вокруг. Он притворялся, что ему ни до кого нет дела. Как он беспокоился о своем деде, с какой болью говорил о своем сводном брате, как бережно относился к ней самой — все эти поступки очень хорошо характеризовали Алекса.

Он только отдавал, когда другие все время чего-то требовали от нее. И обоими пройдена точка сопротивления. Он никогда не давил на нее, и она знала, без сомнения, что он не будет этого делать.

Алекс был героем в ее глазах и все же претендовал на роль злодея.

Больше всего она хотела, чтобы он увидел себя ее глазами. Увидел себя настоящим. Ее миссией было изменение его мыслей о себе. У нее это получится.

Нет, не сразу конечно же. Как бы сильно она этого ни хотела. Когда-нибудь она поможет ему увидеть человека, которым он действительно был. Но для того, чтобы это сделать, ей придется остаться с ним. Покинуть Асеену. Убедить его попытаться построить с ней отношения. У него ведь были длительные связи с женщинами. Чем она хуже?

В конце концов, он бы понял, что им хорошо вместе.

К сожалению, у нее не было книги по истории, с помощью которой она могла провести простое исследование Алекса.

Ей придется изучать его самостоятельно. Не так уж это и трудно.

— Почему ты молчишь? — спросил он.

— Думаю, — сказала она честно.

— О чем?

Она закусила губу. Вряд ли могла признаться, что ищет способы убедить его, что нужно любить не только ее, но и самого себя.

— Ты очень хорош в постели, — сказала она, скрывая свои настоящие мысли. — Конечно, мне не с кем тебя сравнивать, но я не могу представить себе, что существуют мужчины, превосходящие тебя в этом мастерстве.

— Это не мастерство, Габи. — Он гладил ее волосы, ее лицо, их тела все еще были переплетены. — Это химия, которая могла возникнуть только между нами.

Габриэлла немного расстроилась. Для нее их близость была не просто химией.

Она хотела показать это ему. Она бы нашла способ. Хватит ей всю жизнь прятаться в библиотеке. Почувствовав тепло рядом с Алексом, она больше никогда не отступит в тень.

Алекс тысячу раз проклял себя за то, что оказался в постели с Габриэлой в первую ночь. Но каждую последующую ночь они вновь и вновь занимались любовью. Принцесса и здесь проявила чрезвычайную скрупулезность: ей нравилось изучать технику любовных ласк, и в этом навыке ей вскоре не было равных.

Она исследовала его тело, как будто бы пыталась понять смысл древнего текста.

Никто никогда не попытался узнать, что скрыто в глубинах его души, какие секреты... Никто никогда не попытался увидеть в нем человека. И он поддерживал образ нелюдимого и мрачного типа.

Ему было трудно держать Габи на таком же расстоянии. Да он и не хотел отдаляться от нее.

Она была мягкой, красивой, более щедрой, чем необходимо. И он проводил бессонные ночи не только изучая ее тело, но лежа рядом с ней, проводя руками по ее обнаженному телу, пока она читала ему отрывки из ее любимых книг и делала все возможное, чтобы рассказать ему про искусство и другие вещи, которые до сих пор его не волновали.

Но он любил слушать, как она говорит. Ему нравилось, как ее нежный голос обволакивает его, как теплый мед, успокаивает его душу. До встречи с принцессой Алексу казалось, будто у него и вовсе нет души.

Потому что человек, который держал в секрете собственного сводного брата, в чьих жилах текла кровь самого эгоистичного и сладострастного негодяя на земле, вряд ли способен испытывать человеческие эмоции. Вряд ли мог почувствовать мягкость, нежность красивой женщины, с которой у него нет ничего общего. Вряд ли можно успокоить душу, которой нет.

Но с Габи все было по-другому. Да, наверное, со стороны их связь могла показаться нелепой или даже забавной. Если бы он захотел, ему бы доставили любых млекопитающих на реактивном лайнере не позже полудня. Конечно же связь с принцессой добавила бы не так много бонусов к его статусу.

К счастью, сегодня они встречаются с Джованни. Габриэлла пойдет с ним; она будет участвовать в церемонии по передаче картины его деду, как просила ее бабушка. А потом она вернется домой. Эта мысль ранила, будто витое лезвие клинка засунули ему под кожу.

— Привет, Алекс, — сказала принцесса, выходя из своей спальни, одетая лишь в футболку. Его футболку.

Да, его любовницы часто носили его одежду, но только на Габриэле она смотрелась по-особенному сексуально. Как будто он никогда прежде такого не видел.

Габи была оригинальна, и не важно, что она делала. Возможно, потому, что она была его, и только его. Потому что другой мужчина никогда не касался ее, никто не целовал ее. Он никогда не был с девственницей раньше, и то, что Габи отдалась именно ему, невероятно радовало и будоражило.

— Доброе утро, Габриэлла, — поприветствовал он ее, делая глоток кофе.

— Итак, мы встречаемся с твоей семьей сегодня? — спросила она, и в ее глазах Алекс увидел грусть. Он не знал, что она задумала, — возможно, просто размышляет о возвращении домой.

Но прошлой ночью ему вовсе не казалось, что она вот так просто готова с ним расстаться.

— Да. Скоро. Тебе придется надеть что-нибудь из женской одежды.

Она улыбнулась:

— Ты имеешь в виду, что я в таком виде не смогу познакомиться с твоей семьей?

Габриэлла произнесла эти слова так проникновенно, что Алекс вдруг почувствовал необъяснимую тоску.

— Наверное, было бы лучше, если бы ты надела какие-нибудь брюки, когда я буду знакомить тебя с дедом.

— Потому что я бы его шокировала? — Казалось, ее обрадовала эта мысль.

— Потому что он захотел бы отбить тебя у меня.

— Никто не сможет сделать этого, Алекс, — сказала она, подходя к нему близко и целуя в щеку. — Я оденусь.

Принцесса повернулась и пошла обратно в комнату, а он сидел и обдумывал все случившееся. Что происходит в его жизни? Габриэлла полностью изменила его. Она оказалась далеко не безобидной девочкой-отличницей, впервые встретившейся ему в дверях особняка на Асеене, а целым ураганом в очках.

Сегодня все драгоценности деда будут воссоединены. Алекс помог деду исполнить его последнее желание. Он сосредоточится на этом.

Что случилось сегодня? Сегодня произошло то, что должно. Габриэлле необходимо было вернуть домой. Габриэлла должна оказаться от него как можно дальше, пока он не причинил ей массу страданий и неприятностей. И это может подтвердить любая из его бывших любовниц. Или же Нейт.

Габриэлла должна уехать, и тогда все в его жизни встанет на круги своя. Он сможет вернуться к работе в компании, забыть о поисках потерянных картин, уроках по искусству и прекрасных глазах.

Вместо этого он чувствовал невероятную боль в груди.

Но он провел последние тридцать шесть лет, игнорируя свои чувства. Не было причин это менять.

Алекс нечасто приезжал в семейный особняк семьи Ди Сионе. Там жили призраки прошлого. Слишком много воспоминаний о том, каким одиноким маленьким мальчиком он был, когда потерял своих родителей. Злой, страшный одиннадцатилетний мальчик, который скрыл существование сводного брата, чтобы защитить человека, не заслуживающего защиты.

Он гнал прочь эти мысли, пока двигался через главный вход, полный решимости стряхивать все неприятные воспоминания и чувства, как грязь с ботинок при каждом шаге.

Алекс слышал робкие шаги Габриэллы по мрамору. Он нес картину в семейную гостиную, готовый встретиться не только с дедом, но и со своими братьями и сестрами.

Когда он вошел, все взгляды присутствовавших в комнате устремились на него, на картину, которую он принес, и на женщину, которая вошла вслед за ним. Он не мог вспомнить, когда в последний раз видел всех родственников, собравшихся вместе.

Дарио и Данте стояли рядом друг с другом. Они наконец снова заговорили после многих лет раздора.

Все собрались здесь, в этом зале, объединенные желанием помочь Джованни. Прежде это было невозможно. Алекс давно начал бы всех высмеивать.

Нейт, с которым у него всегда были самые сложные отношения, тоже был здесь, со своей беременной подругой. И когда Алекс посмотрел на него... он не чувствовал, что виноват в его неудачах. Больше не чувствовал.

Теперь он задавался вопросом: интересно, существовали ли эти артефакты, или они искали разные виды сокровищ все вместе?

— Что с вами со всеми? — спросил он сардоническим тоном. — Никогда не видели картин? Или женщин?

Джованни остался сидеть, его темные глаза уставились на Габриэлла. И Алекс знал, что его дед видел сходство Габриэлла и Лючии.

— Давно я не видел этой картины, — медленно произнес дед. — И... — продолжил он, глядя на Габриэлла, — и этой женщины.

Габриэлла взглянула на него. Это было подтверждением того, что они оба уже подозревали, но Алекс хотел услышать эту историю из уст деда.

— На этой картине не только женщина, — сказал Алекс. — Там и сокровища.

Он поставил полотно на камин.

Родственники уже сосредоточили свое внимание на картине.

— Я чувствую, что здесь какая-то история, Нонно, — сказал Алекс притихшим голосом. — И я не могу представить, что ты послал нас на поиски по всему миру, чтобы скрыть правду навсегда.

Джованни потер подбородок, выражение его лица стало задумчивым.

— В этом ты прав, Алессандро. У меня не было намерения держать вас в неведении. Почти столетие я живу и храню свои секреты, это достаточно долго для меня.

— Я ожидаю, что ты проживешь еще несколько лет, — сказал Алекс, зная, что это маловероятно.

— Хорошо бы, чтоб именно так и было, — согласился Джованни. — Но я расскажу вам то, что должен. Вы, возможно, начали подозревать, что Джованни Ди Сионе — это не мое имя. Я — урожденный Бартоло Агости.

— Надпись БАЛЬДО на драгоценностях, — сказал Дарио.

Джованни улыбнулся:

— Эти инициалы принадлежат мне и королеве Лючии... Бартоло Агости, Лючия Д'Оро. Когда я приехал в Америку, я не просто нажил состояние. Я не просто приумножил мое богатство, я заново сочинил свою легенду. Я родился на Исоло Д'Оро. Сын богатых родителей. Мы с братом часто играли в саду дворца с маленькой девочкой. На острове тогда было спокойно. Королевской семье ничего не угрожало, и они передвигались свободно, смешиваясь со своими подданными, играющими на солнце. Я был одним из таких детей, подданных принцессы, хоть у меня и имелся титул. Но я не был принцем, и мне никогда не суждено было править.

Моя дружба с Лючией становилась крепче. Мы росли, и наши чувства тоже менялись. Но, к сожалению, для Лючии и для меня, играть в саду мы могли свободно, но брак между нами был абсолютно невозможен. Я знал, что наши отношения должны закончиться. Я знал, что ее судьба предначертана, и она не могла связать жизнь с таким человеком, как я. Но прежде чем мы расстались, я нарисовал ее. Я хотел написать ее с моими подарками — в знак нашей любви. Я хотел показать ей, что не важно, что я сказал, не важно, как все закончилось, я хотел, чтобы она могла взглянуть на картину и вспомнить, как я ее любил.

Но в конце концов, когда я сказал ей, что мы не можем быть вместе, что она должна выйти замуж за человека, выбранного для нее ее родителями, она была в гневе. Она отдала обратно все подарки. Включая картину. Я хранил их в память о Лючии. Хранил, пока не вынужден был с ними расстаться. Меня ждала голодная смерть, пришлось отдать сокровища. И вот спустя столько лет я захотел, чтобы она снова взглянула на картину. Я хотел бы, чтобы помнила: я пронес любовь к ней через всю свою жизнь.

Он обратился к Габриэлле:

— Скажи мне, моя дорогая, бабушка хранила картину?

Выражение Габриэллы было таким мягким, участливым, ее темные глаза увлажнились.

— Да. Когда семья была изгнана с Исоло Д'Оро, ей пришлось оставить картину там. Но она ее спрятала и когда вновь увидела ее...

— Она уже видела ее?

— Да. Прежде чем приехать в Нью-Йорк, мы вернулись на Асеену и показали бабушке картину. Это была ее единственная просьба. Ей было необходимо увидеть ее первой. Ей не все равно, Бартоло, — сказала Габриэлла, произнося настоящее имя деда Алекса, имя, которое он не слышал много лет. — Она заботилась о вас очень сильно.

— О, я так счастлив. Большого нельзя было и желать.

— Отлично, дед. Ты отправил нас путешествовать по всему миру в поисках твоих вещей, и все ради чего? Ради пары счастливых мгновений?

— Бог знает, тебе нужно было отвлечься, Дарио. Я также воссоединил тебя с матерью твоего ребенка и любовью всей твоей жизни, — фыркнул дед. — Мог бы и спасибо сказать.

— Мог бы.

Дарио шагнул назад, взял Анаис за руку и стал поглаживать ее пальцы. Для Дарио это был самый искренний жест, который он когда-либо демонстрировал.

— Странно, — сказал Джованни, — но я думал, что буду чувствовать себя несколько иначе. Я думал, эти вещи, вновь собранные у меня, доставят неизъяснимую радость. Но теперь я вижу, что это просто... вещи.

— Возможно, тебе нужен человек, а не какие-то предметы.

Все повернулись на тонкий старческий голос, донесшийся от дверей гостиной. Это была бабушка Габриэллы Лючия. Пожилая женщина слегка сутулилась, но все равно многое выдавало в ней королевскую статью. Она была одета в темно-фиолетовый костюм, этот цвет прекрасно оттенял ее оливковую кожу и темные глаза. И хотя у нее были седые волосы и морщинистая кожа, несомненно, она была той самой женщиной, изображенной на картине. Глаза Джованни, в которых светились любовь и теплота, выдавали его.

Джованни стоял, он был слаб и с трудом мог передвигаться. И все же он уверенной походкой направился к женщине, которую любил всю жизнь.

— У меня такое чувство, что мы избавились бы от необходимости поисков картины, если бы первым делом привезли твою бабушку сюда, — сказал Дарио.

Джованни и Лючия несколько мгновений смотрели друг на друга с опаской, а затем Лючия протянула руку и дотронулась до пальцев Джованни, нежно их пожимая.

— Бартоло, — позвала она, и голос ее наполнился слезами.

— Как долго я ждал этого момента.

К всеобщему удивлению, Лючия рассмеялась:

— Я бы сказала, более пятидесяти лет.

— Я очень надеюсь, что в течение прошедших пятидесяти лет в твоей жизни все же была любовь, — сказал Джованни.

Лючия кивнула:

— Была. Как и у тебя. — Она посмотрела на всех внуков Джованни, находившихся в комнате. — И я вижу здесь много плодов твоей любви.

— Да. Но я никогда не забывал о тебе, ни на секунду.

— Я думаю, у нас есть что обсудить, Бартоло, — произнесла Лючия. — Не так ли?

— Да. Я думаю, что мы это сделаем.

Он нежно взял ее за руку, и они оба медленно вышли из комнаты. Братья и сестры посмотрели друг на друга, и на этот раз никто не нашелся что сказать. Они вдруг осознали, что все находятся в одной комнате. Включая Нейта. Их всех объединила воля деда.

Если бы Алекс был сентиментальным человеком, он бы сказал, что их всех свела любовь.

Габриэлла произнесла бы это. Скорее всего, наедине с ним.

Странно было сознавать, что он может предугадать ее слова. Раньше он не замечал за собой

дара предвидения. Никогда не мог сказать, какие чувства испытывает человек рядом с ним. Кроме нее. Он мог угадать ее мысли, эмоции и мнение так же легко, как свои собственные.

— Алекс, — сказала Габриэлла, — мы можем поговорить?

Это не совсем то, чего он ожидал, но она хотела поговорить, потому что ей необходимо было обсудить отношения ее бабушки и его деда. Вот что он выяснил. По какой-то причине он черпал утешение в своей способности распознавать и предвидеть настрой Габриэллы. Все это не будет иметь значения, когда она вернется на Асеену. Совсем. Хотя они будут поддерживать связь. Обмениваться нежными текстами со смайликами, как положено современным несчастным влюбленным.

— Конечно, — сказал Алекс, положив руку ей на спину и выводя из комнаты, игнорируя вопросительные взгляды своих родственников.

— В сад? — спросила она.

— Не в галерею?

— Я люблю сады. И галереи. И библиотеки. Я люблю много всего.

Он рассмеялся.

Она склонила голову улыбаясь. Выражение ее лица было ехидным, но что-то серьезное скрывалось в ее темных глазах, он это предчувствовал.

— Сюда, — показал он, ведя ее вниз по длинному коридору, чтобы вывести ее через задние двери в сад.

Он открыл двери и встал перед ними как лакей, рукой указывая, что Габриэлла должна идти впереди него. Она так и сделала. И он получил удовольствие, наблюдая, как лучи солнца заставляют сиять ее блестящие волосы. Она была яркой, роскошной, красивой вещью, которой он не надеялся завладеть. Даже со всеми деньгами на его банковском счете. Даже со всей силой и влиянием, которыми он обладал. Потому что должно быть что-то еще, что может удержать такую женщину, как Габриэлла. Что-то, что он не мог даже определить.

Финал этой истории оказался счастливым для Джованни и Лючии. Но не для него.

Алекс хотел вернуться в прошлое. Вернуться к жизни без Габи. Где все было так, как должно быть. И он не хотел бы ничего больше.

Она подошла к каменной скамейке, находившейся перед изгородями, и, сев, провела пальцем по твердой холодной поверхности. Затем она посмотрела на Алекса.

— Очень печально, что нашим бабушке и деду пришлось ждать полвека, чтобы снова найти друг друга.

— Но они очень счастливы, что есть друг у друга снова, правда?

— Да. Это радует.

— И как они сказали, им хватало любви.

— Да. Ты прав. Но тебе не кажется... что они никогда не забывали друг друга? Что их чувства друг к другу никогда не умирали? Они навсегда запомнили свою любовь, и никто и никогда не смог бы заменить им друг друга. Ни их супруги, ни дети, ни внуки. Я считаю, оба прожили счастливые жизни. Но я также считаю, что их любовь была уникальной, особенной и ни на что не похожей. И я верю... — Она тяжело сглотнула, глядя на небо. — Я считаю, что существует истинная любовь. Реальная любовь. О которой люди пишут сонеты, рисуют картины. Которая заставляет их петь. Как будто у одного из любящих находится половина магического амулета, а у другого — вторая половина, и они могут быть счастливы, только когда они вместе. Я просто видела такое.

Алекс почувствовал холод внутри. Вовсе не из-за ясного морозного декабрьского дня, а из-за произнесенных Габриэлой слов.

— Какой смысл во всем этом, Габриэлла?

— Я думаю... я думаю, что у нас могли бы быть такие же чувства, как у твоего дедушки и моей бабушки. Да, у нас с тобой мало общего, мы из разных слоев и любим разные вещи. Притяжение — это одно, сексуальная совместимость — другое. Но есть нечто большее. Я никогда не чувствовала себя более настоящей, чем когда я с тобой. Я думала все это время, что мне нужно найти человека, похожего на меня. Такого мечтательного одиночку, кто поймет и разделит со мной склонность к уединению и безопасности. Но я не хочу быть в безопасности. Я хочу быть с тобой. — Она рассмеялась. — Я думаю, что это как-то неправильно звучит. Вряд ли ты подвергнешь меня опасности...

— Нет, ты совершенно права. Я собираюсь подвергнуть тебя опасности. Я уже это сделал. Это подтверждается тем, что мы ведем этот разговор. Ты не должна испытывать чувства ко мне, Габи. Я ясно дал понять, что между нами только физическая близость.

— Да, — ответила она, ее голос стал безжизненным и тусклым. — Для меня все изменилось. Я думала, что-то изменилось и для тебя тоже.

— И вот здесь наши различия становятся проблемой. Ты не виновата, что не так все поняла... И для тебя все это ново. Конечно, теперь, после того как мы стали любовниками, многое изменилось. И я могу понять, почему ты думаешь, что для меня тоже произошли изменения. Но ты должна понимать, со мной так было уже неоднократно. Я много раз заводил отношения с женщинами. И в нашей связи нет ничего уникального.

Она яростно моргала, слезы сверкали в ее красивых глазах, и он хотел немедленно вытереть их. Но он был причиной этих слез, так что не имел права ее утешать.

— Но ты не... Если бы я не была для тебя особенной, тогда ты бы мной воспользовался в тот момент, когда желал меня. Там, в библиотеке...

— Вот, Габи, ты так думаешь, потому что не представляешь, как все устроено на самом деле. Когда мужчина хочет соблазнить женщину, он придумывает массу ухищрений. Я не притворяюсь лучше, чем есть. Я был честен с тобой, как мне казалось, — сказал он грустно. — Я предупредил тебя о моей зловещей репутации, но с тобой обращался мягко. Я делал так, потому что мы разные. Каков лучший способ соблазнить девственницу? Но я никогда не хотел твоей любви, дорогая девочка. Я хотел только твое тело.

— Почему ты говоришь эти ужасные вещи?

— Потому что я говорю правду. Когда ты начала восхищаться поэзией, я знал, что все кончено. Я думал, что ты собиралась спокойно вернуться домой, к бабушке, когда мы нашли картину. Очевидно, у тебя были другие планы. А я больше не хочу продолжать этот фарс.

Она закрыла глаза, одинокая слеза стекала по ее щеке.

— Это был не фарс...

— Габриэлла, — сказал он, его голос прозвучал жестко и сурово. — Я говорил о том, какой я человек. Я бизнесмен, вся моя работа построена на взаимовыгодном обмене. Мы обменялись удовольствием. Этого мне достаточно. Я держал в секрете собственного брата, чтобы защитить репутацию отца. Вряд ли от меня стоило ждать нежности и ласки.

— Нет. Ты говоришь, что полон решимости убедить всех, что ты монстр. Почему? Что ты скрываешь? — Она открыла глаза, встретила его взгляд, и гнев вытеснила печаль.

— Это тайны моей темной души, дорогая. Я ничего не скрываю. Ручей мелкий, как он и выглядит с поверхности. Ничего не спрятано в его глубине.

— Я понимаю, что тебе самому нужно верить в то, что ты страшен, Алекс. Я понимаю, что нужно, чтобы все остальные в это верили. Но я не понимаю почему.

Он развел руками:

— Тут нечего понимать. Это простая, но трагическая правда обо мне. Моя легенда гораздо интереснее, чем я сам. Рассказы о том, что я монстр. Бессердечный и жестокий. Простой факт

состоит в том, что я корыстен. Это несложно выяснить. Я все делаю ради денег. Я делаю то, что приносит мне удовольствие. Таковы мои мотивы. Женщины и средства массовой информации любят делать вид, что за всем этим стоит что-то еще. Но нет, я действительно всего лишь сын своих распутных родителей.

— Нет, — прошептала она. — Ты сказал, что не хочешь быть похожим на отца.

— Я говорил много чего. Не верь всему. Все кончено, Габриэлла. Картина доставлена, наши бабушка и дед вместе. Они могут хранить свою истинную любовь. А я буду заниматься своими деньгами, своей разнообразной сексуальной жизнью и наслаждаться своей свободой. Ты можешь вернуться к книгам.

— Алекс, — сказала она с мольбой в голосе.

Слова Габриэллы ударили его, словно ножом. Но все было к лучшему. Алекс должен был так же окончательно расстаться с Габи, как его дед расстался с Люцией. Но он не оставит ей картину. Он не оставит даже следа из хлебных крошек, чтобы она не нашла свой путь к нему, не вернулась обратно.

Все, что он делал, он совершал в ее интересах. Для ее будущего. Она найдет мужчину лучше, чем он. В будущем она поймет, что ошибалась в нем. Она поймет, что ей нужен уверенный и надежный человек, стабильный, способный дать ей все, что она заслуживает, и даже больше.

Габриэлле в детстве не хватало родительской ласки и заботы, как и ему самому когда-то. В этом они, безусловно, были похожи.

И он не станет причинять ей новые страдания, она и так достаточно настрадалась. Исчезновение из ее жизни будет самым правильным его поступком, даже если сейчас ему так не кажется.

— Ты была права, — сказал Алекс. — Распутник никогда не сможет быть с тихой скромницей. Он может соблазнить ее. Потому что она нуждается в этом. Потому что она уязвима. Но он никогда не выберет ее, не останется с ней. Потому что он вообще не стремится ни с кем остаться.

Алекс повернулся, оставив ее в саду, с полностью разбитым сердцем, в то время как в его собственной душе творилось то же самое.

Их кратковременные отношения напоминали роман Джованни и Лючии. Но с одним существенным отличием. В жизни Алекса не будет счастливого эпизода с воссоединением родственников. У него не будет внуков, потерянных сокровищ... и жены у него тоже никогда не будет.

Без него сердце Габриэллы будет свободно для встречи любви всей ее жизни. И ей не стоит убиваться из-за несложившихся отношений с ним.

Он того не стоит.

Габриэлла была в оцепенении. Она с трудом могла дышать с тех пор, как Алекс оставил ее сидящей в саду особняка его деда.

Она вошла в дом два часа спустя и отыскала бабушку, которая, конечно, планировала продолжить общение с Джованни и провести с ним столько времени, сколько ему отпущено.

Габриэлла должна бы радоваться за них. И отчасти именно такие чувства она и испытывала. И ей было бесконечно грустно, что их роман с Алексом оказался таким коротким.

Ей казалось, что она больше никогда не сможет дышать полной грудью, никогда больше не сможет искренне улыбнуться.

Она хотела бы думать об Алексе как о своей первой любви. Своем первом расставании. Но слово «первый» было неподходящим, так как он был единственным. Ее единственной любовью. Ее единственным любовником. Единственным мужчиной, которого она когда-либо желала так страстно и так отчаянно.

Она была ранена. Но она также была зла на него. Потому что не важно, что он сказал, она знала, что там что-то еще. Она знала, что он не соблазнял и обманывал ее из спортивного интереса. Он почувствовал что-то из-за нее, и она знала что. Тот факт, что он был таким жестоким, когда бросил ее сегодня, — тому доказательство.

Он говорил о том, что боится быть как его отец, но она знала, что, даже если Алекс и проявлял жестокость, он делал это не специально.

Просто люди, выросшие без родительской любви, часто ведут себя эгоистично. Узнав о существовании сводного брата, он решил утаить от всех эту информацию, потому что так ему было проще справиться с накалом противоречивых эмоций: боль, тревога... обида на отца.

Да, она знала, что он имел репутацию монстра, но она была уверена, что он не способен совершить по-настоящему страшный поступок.

С одной стороны, для Габриэллы удивительным был сам факт, что Лючия и Джованни воссоединились и настоящая любовь существует, с другой — они нашли друг друга лишь спустя пятьдесят лет, и это отрезвляло. Она не хотела ждать Алекса пятьдесят лет.

Она со стоном уселась на кровать. Закрыла глаза, позволяя себе представить, что Алекс с ней рядом. Что он потянулся, чтобы поцеловать ее. Она позволила разгуляться своей фантазии. Вспомнила, как он прикасается к ней, накрывает ее своим телом. Да, до встречи с ним она была девственницей, неопытной наивной девушкой, но вовсе не полной идиоткой, не умеющей разбираться в людях.

Принцесса открыла глаза, тяжело вздохнув.

Раздался стук в дверь, и Габриэлла повернулась на бок, положив голову на руку.

— Входите, — сказала она, не понимая, зачем сейчас соглашается на разговор, когда чувствует себя совершенно усталой и разбитой.

Когда дверь открылась, Габриэлла выпрямилась. Это была ее бабушка.

— Здравствуй, Габриэлла, — произнесла Лючия, входя в комнату.

— Я надеюсь, у вас все хорошо?

Лючия улыбнулась:

— Более чем.

— Я рада.

— Знаю, что здоровье Бартоло не такое крепкое, как хотелось бы, но я с радостью посвящу себя заботам о нем.

Эти слова прозвучали так нежно и безмятежно, что внутри у Габриэллы потеплело. Она снова стала думать об Алексе. Она бы хотела так же заботиться о нем. Она будет за ним ухаживать. Взамен ей не нужен даже весь земной шар, ей необходимо только то, что он ей может дать. По крайней мере, сейчас. Если бы он не бросил ее, она готова была бы ждать его ответных чувств даже целую вечность. И почему же он так и не понял этого?

— Габриэлла, — бабушка заговорила более мягким тоном, — ты что-то хочешь мне сказать?

— Алекс, — произнесла она всего одно лишь имя, зная, что бабушка все поймет и без слов.

— Я тебя предупреждала, — сказала пожилая женщина, но ее глаза оставались мягкими, и не было никакого осуждения в голосе.

— Я знаю. К сожалению, Алессандро был чуть более убедителен, чем ты.

Лючия рассмеялась:

— Мужчины такие. У меня есть некоторый опыт, ты знаешь.

— Да. Я знаю.

— И иногда они отталкивают нас: они считают, что так будет лучше для всех. По правде говоря, когда Бартоло думал, что я зла на него, я злилась на саму себя. Я знала, что он делал все это время. Он пытался играть в благородство. Он не хотел, чтобы я отвергла все блага, принадлежавшие мне по праву рождения. Не хотел, чтобы я отреклась от своей семьи.

Но я всегда чувствовала, что должна была бороться за нашу любовь сильнее. Было интересно, что бы случилось, если бы я сказала ему «нет». Если бы я никогда не позволила ему причинить мне боль...

Слова бабушки нашли отклик в душе Габриэллы. Потому что Алекс думал и поступал так же, как и она когда-то.

— Как ты думаешь, что мне теперь делать?

Королева шагнула вперед и хлопнула ее по руке.

— Тебе нужно выяснить, что он к тебе чувствует. И ты никак этого не узнаешь, если не спросишь. Тебе это советует человек, который провел полвека, гадая, была ли любовь взаимной. Гордость не согреет твою постель. Гордость не будет улыбаться тебе каждое утро, изо дня в день. Гордость — это очень слабое утешение, Габриэлла.

Лючия выпрямилась и вышла из комнаты, тихо закрыв за собой дверь. Габриэлла подумала, с каким выражением Алекс смотрел на нее в саду, прежде чем с ней расстаться. Бабушка Габриэллы говорила ей очень правильные слова, тон ее был мягким, и это успокаивало ее.

Королева права. Гордости не место там, где есть настоящие чувства. Зачем она ей, если они с Алексом не будут вместе?

Она пряталась от жизни много лет. В попытках уберечь себя от боли быть отвергнутой снова. Родители постоянно заставляли чувствовать себя ненужной, нелюбимой. Она боялась повторения. Но все, что она получила взамен любви, — пыльная библиотека. С нее было достаточно. Она хотела иметь свою пыльную библиотеку и своего мужчину.

Внезапно Габриэлла поняла, как будет дальше строить свою жизнь. Ей незачем больше скрываться в пыли библиотек.

Она не будет больше жить преданиями старины. Она будет самостоятельно творить свое счастье с тем человеком, которого любит больше всего на свете.

Габриэлла вскочила, исполненная решимости. Алессандро Ди Сионе думал, что он самое страшное существо на земле. Но даже в аду не найдется фурии страшнее отвергнутой Габриэллы Д'Оро. И она решила продемонстрировать ему силу своих чувств.

Алекс созерцал процесс наполнения ванны виски, чтобы выяснить, сможет ли он поглощать алкоголь прямо через кожу. Он был готов на все, чтобы приглушить рев боли, которая, извиваясь внутри его тела, ударяла в виски, ломала кости, засела глубоко под кожей и окутала все его существо.

Алкоголь совершенно не действовал, не заглушал сумасшедшие боль и тоску, оставшиеся после расставания с Габриэллой. Он все еще вспоминал ее лицо. Как она смотрела на него.

Раненая, растерянная, с застывшей болью во взгляде и немым вопросом: «Как ты мог так поступить?!»

Этот вопрос он обдумывал часами, он разъедал его изнутри.

Алекс так до сих пор и не понял, что он тогда сделал. Он защищал ее? Или себя? Она открыто говорила о том, что скрывалась от мира намеренно, из-за нехватки родительского внимания, любви и заботы. Она была уверена, что ничего не значит для них.

А он...

Разве он не прятался от мира? За маской дракона или бездушного монстра. Держа всех на расстоянии. Особенно сводного брата, который был там, в доме родителей, в ту ужасную ночь. Нейту была нанесена болезненная психологическая травма.

Одной этой мысли было достаточно, чтобы у него перехватило дыхание. Осознание того, что его поступки были порождены не необходимостью держать все под контролем, а страхом. Это съедало основы его уверенности в себе. Он считал себя сильным. Он считал, что всем управляет.

Теперь он казался себе мальчиком, прятавшимся от сложных чувств. Трудных решений. Отчаянно избегавшим столкновения с реальными трудностями. Так же, как он сделал с Нейтом.

Но какая жизнь у нее могла бы быть с ним? Что же он мог предложить Габриэлле? Он знал, что она сделала для него. Она дала ему надежду. Она научила его ценить искусство, красоту.

С ней он испытывал все те теплые чувства, которых у него никогда в жизни не было. Да, он точно знал, что она предлагала ему, и он боялся, что заставит ее столкнуться со своими жуткими проблемами и страхами. Он до сих пор не мог без дрожи вспоминать ночь, когда погибли родители... Единственное, что он мог дать Габриэлле, — ощущение бесконечной тоски и одиночества.

Вдруг дверь в его квартиру распахнулась. Он задумался на миг, что пора бы прекращать пить, — не могла же Габриэлла стоять на пороге его дома. Свет в прихожей создавал золотой нимб вокруг ее золотистых волос, делая ее похожей на ангела посреди ада. Его личного ада. Как будто она пришла, чтобы спасти его от гибели.

И он отчаянно хотел, чтобы это было так.

Как получилось, что это воплощение невинности и юности может превратить такого пресыщенного плейбоя, как он, в жалкого, отчаявшегося человека? Как получилось, что она влезла к нему в душу и теперь всю властвует ею? Он обязан был все контролировать. Да, она наверняка грустила после их расставания, но жизнь продолжается... И он должен иметь возможность двигаться дальше, как он всегда делал. А сейчас он чувствовал себя парализованным.

— Габи, — сказал он грубо.

— Ты не можешь меня так называть, — сказала принцесса, стремительно входя в комнату и с шумом закрывая за собой дверь. — Пока не исправишь то, что ты сделал.

— Список моих грехов длинный, Габриэлла. Ты должна конкретизировать.

— Кое-какие мелочи: ты врал мне и разбил мне сердце. — Она скрестила руки, задрала вверх свой гордый подбородок, а ее маленькое тело вибрировало от ярости. — Я понимаю. Мне потребовалось некоторое время, потому что пришлось копаться в своей собственной боли, чтобы понять тебя, но я это сделала. Ты боишься себя. Боишься чувств. И в этом мы с тобой едины.

Услышав эти слова из уст Габриэллы, Алекс понял, что сложно это отрицать. Он столько раз пытался анализировать свою жизнь, свои поступки, но каждый раз заходил в тупик.

Габриэлла знала его. Он на это надеялся. Она разбиралась в чувствах, в отличие от него.

— Но мы не можем так просто расстаться, — сказала она. — Это того не стоит. Что мы получим в итоге? Годы сожалений о том, что мы не вместе? Вместе мы много можем сделать. Хотя, по всем правилам, нам не нужно быть вместе: Алекс, я принцесса. И я должна выйти замуж за человека благородного происхождения или хотя бы не за беспутного повесу. Ты должен найти женщину с изысканным вкусом, невероятно красивую и опытную. Но это не то, чего мы хотим на самом деле. Мы хотим друг друга. Потому что ты моя настоящая любовь, Алекс. Другая половина моего амулета. Единственный мужчина, и я никогда тебя не забуду. В моей душе была пропасть, с рождения, и я об этом не знала, пока тебя не встретила. Теперь я чувствую себя цельной и наполненной, в моей жизни появился смысл.

Ее слова эхом звучали в сознании Алекса: он прекрасно понимал принцессу. И полностью был с ней согласен.

— Но ведь нам будет трудно. — Он сглотнул. — Как мы можем просто забыть все то, от чего бежали долгие годы?

— У нас просто нет выбора. Или мы забываем обо всех своих страхах, или мы любим друг друга, Алекс. И мне хотелось бы быстрее забыть свою боль. Забыть свой страх. Единственное, о чем я хочу думать, единственное, что доставляет мне радость, — это любовь к тебе, мой дорогой.

Его грудь расширилась, дыхание выровнялось.

— Не думаю, что любить — это просто, Габриэлла.

— Может быть, и нет. Может быть, я живу в фантазиях. Но... О, Алекс, как я хотела бы жить в этих фантазиях с тобой. Я знаю, ты думаешь, что я молодая и глупая...

— Нет, — сказал он. — Я не думаю, что ты глупая. Я восхищаюсь тобой: несмотря на все то, что случилось в твоей жизни, ты выросла прекрасной, мудрой и доброй девушкой. Я думаю, что ты подарок, которого твои родители не заслуживают, не ценят. Я думаю, что ты подарок, которого я не заслуживаю.

— Но что толку в подарке, который никто не хочет брать?

Алекс почувствовал, что задыхается.

— Я хочу тебя. Хочу. Но... я... на тысячу лет старше тебя. Я битый жизнью старый холостяк. Не лучше ли тебе быть с другим человеком?

— Нет, — сказала Габриэлла просто и без колебаний. — Ни один человек не заставит меня выйти за пределы библиотеки. Мне нравились мелочи. Спокойные дела. Но то, что я чувствую к тебе... буря, ураган сумасшедших эмоций. Я была настолько поймана врасплох тем, что повеса может увлечься тихоней, и до сих пор не перестаю удивляться тому, как ты сумел заставить меня пойти на это грандиозное приключение. Алекс, тот факт, что я хочу тебя, — чудо само по себе. Я не уверена, что ты ценишь это.

Он невесело рассмеялся.

— Поверь мне, я ценю.

— Ну, так и я ценю тебя. Я люблю тебя. И прости, что между нами все так сложно. Прости за то, что появилась в твоей жизни. Но моя любовь к тебе — самая удивительная, прекрасная

вещь на свете. Строить реальные отношения гораздо лучше, чем прятаться. Пожалуйста, пойдем со мной. Прочь от вины. Потому что я знаю, что ты все равно чувствуешь себя виноватым, но ты никак не можешь простить себя, того маленького мальчика, который растерялся и отступился. Ты должен простить себя.

Он медленно кивнул:

— Я должен. Ты права, тогда я был мальчиком. Но теперь я взрослый человек. Я прятался. И все это нужно забыть, Габриэлла. Ты права. Я был настолько уверен, что все воспринимают меня монстром, страшным и мрачным типом. Эта маска была лучшим, что у меня было. Она держала всех на расстоянии. Но... я не хочу этого больше. Я думал, что одиночество сделало меня сильным. Я убедил себя, что живу иначе, чем жили мои родители, — более правильно и мудро. Отказываясь от безрассудного поведения, охраняя себя от лишних тревог и волнений. Но я боялся совсем не за других. Я боялся за себя. И ты права. Жизнь без тебя будет совершенно невыносимой.

Он сделал шаг к ней, обхватив ее голову и глядя в ее темные глаза, произнес:

— Если ты будешь со мной после всего, что я сказал и сделал, то я был бы счастлив, если бы ты... Полагаю, я могу попросить тебя выйти за меня замуж?

— Нет, — сказала она, и его сердце замерло. — Не можешь. Потому что ты не сказал, что любишь меня.

— Я думал, это и так понятно.

— Не совсем. Я люблю искусство, я люблю поэзию, мне нравятся книги. Мне нравится красота, которую я вижу перед собой.

На губах у него застыла кривая улыбка.

— Моего лица недостаточно?

— Сначала было достаточно. Но теперь мне нужны подтверждения.

— Я люблю тебя, красивая Габи.

— Правда? — спросила она. Слезы наполнили ее глаза. Счастливые слезы. У него закололо в груди. — Несмотря на то, что я не скучная?

— Особенно потому, что ты не скучная. Потому что ты умница. Потому что ты учишь меня разным вещам — учишь узнавать мир и понимать себя. Я хочу провести остаток моей жизни в твоих объятиях, хочу касаться тебя, быть с тобой. Я хочу, чтобы твои губы были последними, что я целовал. И я хочу быть единственным, кто владеет твоим сердцем. И в случае, если ты пропустила это в первый раз, я люблю тебя.

Принцесса улыбнулась мечтательной улыбкой. Алекс был счастлив, что эта улыбка предназначалась именно ему.

— Это лучше.

— Теперь я могу сделать тебе предложение?

— Ты действительно хочешь жениться на мне, Алекс?

— Да. Потому что ты заслуживаешь настоящего счастья, а я готов тебе его дать. И... я все еще чувствую, что есть вещи внутри меня, которые я должен проработать. Боюсь, тебе со мной придется непросто.

— Ничего, я справлюсь. Но потом будут и другие времена, когда тебе придется мне помогать. Мы единое целое, не забывай об этом. Навсегда. Когда тебе понадобится помощь, Алекс, я буду рядом, — сказала она, сделав шаг вперед и положив ладонь ему на щеку. — И я знаю, что ты тоже никогда меня не оставишь. Вот что такое любовь. Это поддержка и взаимовыручка.

— Если я дрогну, Габриэлла, — сказал он, взяв ее за подбородок большим и указательным пальцами, — обещаю тебе, что ты вернешь меня на путь истинный.

— Даю слово.

— Я не могу нарисовать тебя, Габриэлла. Я не могу показать тебе, какой прекрасной ты являешься для меня. Увы, я так же не разбираюсь в поэзии.

— Ложь. Ты прекрасно в ней разбираешься.

— Нет, не хвали меня, я этого не заслужил. Так что я скажу это просто и честно. Я люблю тебя. Отныне и навек.

— Это действительно все, что мне нужно.

— А белые тигры?

Она коснулась его подбородка.

— Я бы не отказалась от белого тигра.

— Ну, — сказал он, — возможно, мне негде будет все это разместить. А как тебе белая рождественская свадьба?

Она улыбнулась, нежно обняла его за шею и поцеловала.

— Звучит просто отлично.

Эпилог

Свадьба миллиардера и принцессы — на самом деле удивительная вещь.

Вся семья Алекса приехала, чтобы помочь им с Габриэлой отпраздновать этот замечательный день. Они казались всем присутствующим невероятно гармоничной парой, их глаза светились любовью.

Джованни задавался вопросом, было ли членам его семьи суждено любить Д'Оро... Если так, он был рад этому. Когда он сидел, наблюдая, как его любимый старший внук дает свадебный обет внучке женщины, которую он всегда любил, он испытал чувство абсолютной завершенности.

Королева Лючия, его истинная потерянная любовь, наконец вернулась к нему. Это было чудо.

И не важно, сколько лет жизни у него осталось, потому что он знал: это будут самые счастливые годы. Ему представлялось, что очень немногие люди могли похвастаться тем, что встретили свою настоящую любовь.

Врачи заверили Джованни, что с его здоровьем все в порядке и он проживет еще долго. Они также сказали ему, что он резко пошел на поправку, и это было чудом для всех.

Конечно, чудеса случались вокруг него. Все его внуки остепенились и нашли свою любовь. Нейт вошел в их семью окончательно и бесповоротно. Алессандро исцелился от ран, оставленных его родителями.

И самое главное — рядом с ним сидела Лючия.

Да, обозревая семейное поместье, пышно украшенное на Рождество сверкающими огнями, лентами и ветвями остролиста, он не мог не думать о том, что все это лишь вещи, предметы роскоши. Чудом была и всегда будет любовь, доступная тем, кто искренне ждет ее всем сердцем.

Он взял руку Лючии в свою, а Алессандро потянул Габриэлу в объятия для поцелуя. Джованни посмотрел на Лючию и увидел, что ее глаза были прикованы к картине, висящей в большой комнате. Возможно, изображение было немного провокационным, но не менее прекрасным.

— Я люблю тебя, — сказал Джованни, пожимая руку Лючии.

Она отвела глаза от картины и посмотрела на него, улыбаясь.

— Я вижу это. И люблю тебя так же сильно.